

ВЕСТНИК государственного университета «Дубна»

#2 2019

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

Тема номера:

ОБЩЕСТВО
И КУЛЬТУРА:

РИСКИ

ТРАНЗИ

ТИВНОСТИ

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук – **главный редактор**

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – **заместитель главного редактора**

Ющенко Д.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, зам. зав. кафедрой психологии по научной работе – **редактор**

Воинова А.А., ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук – **ответственный секретарь**

Члены Редколлегии:

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук

Шатуновский И.Б., доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, научный руководитель кафедры лингвистики

Мещеряков Б.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, научный руководитель кафедры психологии

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии

Михайлова Н.В., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории права

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии

Марченко Т.А., доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы

Ответственный редактор номера –

Н.Г. Багдасарьян, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук государственного университета «Дубна».

В оформлении обложки использована работа Казимира Малевича «Женский торс». 1928-1932. Фанера, масло. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

Содержание

Колонка редактора

Багдасарьян Н.Г. «Общество и культура: риски транзитивности»..... 4

Общество и культура: риски транзитивности

Веряскина В.П. Трансформация человека в обществе риска: роль социальных и биомедицинских технологий..... 6

Король М.П. Деструкция солидаристских практик в постсоветской России: аксиологическая проекция..... 19

Киричѐк П.Н. Социокультурные доминанты и онтологические риски транзитивного общества..... 26

Козлова М.А., Воронина Н.Д. Многообразие форм социальной сплоченности в российском обществе: опыт применения квалиметрического подхода..... 37

Балуева Т.В. Отношение молодежи к терроризму и экстремизму: опыт социологического исследования..... 52

Савченко В.А. К предельным основаниям революционной пропаганды..... 60

Исмаилов Е.А. Уровень протестной активности через призму оценок качества жизни... 73

Шимон И.Я. Сто лет одиночества России?..... 82

Толеш А. Этические проблемы лидерства: риски управленческой деятельности..... 89

Проба пера

Большаков О.О. Социальные риски в горизонте геномной инженерии..... 100

Миронова Н.Е. Социокультурная безопасность персонала: управленческие риски..... 106

«Общество и культура: риски транзитивности»

Так обозначена основная тема текущего номера.

Большая часть статей появилась в результате участия их авторов в ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «ПРИРОДА. ОБЩЕСТВО. ЧЕЛОВЕК», состоявшейся в ноябре 2018 года в Университете «Дубна».

Потребность в осмыслении новых тенденций и явлений, которыми изобилует наш, столь стремительно изменяющийся мир, тенденций и явлений, которые выступают предтечей его будущего устройства, становится все насущней. Как образно отмечал Зигмунт Бауман, эти явления «переливаются, просачиваются, затопляют, распыляются, капают, просачиваются, выделяются...Таковы основания для того, чтобы считать «текучесть» или «жидкое состояние» подходящими метафорами, когда мы хотим постичь характер настоящего, во многих отношениях *нового* этапа в истории современности» (Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. С.8.)

Современная социальность демонстрирует нам множество разрывов в социальных связях. Мы к ним почти привыкли, мы почти научились в этих разрывах жить, но они имеют многочисленные, причем не всегда улавливаемые обыденным сознанием, последствия во многих социальных сферах. Попытка осмыслить эти разрывы на уровне трендов дает картину ослабления социализирующих действий государства, формирующего комплекс аппаратных мер по «совершенствованию» деятельности социальных институтов. Таких, например, институтов, как всеобщее образование, учреждения культуры, спорта, патриотического просвещения, центры заботы о детях и престарелых, ряда политических институтов, связанных с управленческой и судебной системами, участием граждан в жизни общества. Люди сталкиваются с неоправданным ростом цен (ведущим к обнищанию значительной части населения на фоне непомерного обогащения финансовой и управленческой элиты), коррумпированностью, ослаблением государственной поддержки социально незащищенных слоев, да и общей незащищенностью граждан. Реформирование систем образования и здравоохранения (даже если судить лишь по официальной статистике), выхолащивание содержательной, смысловой стороны в угоду отчетности, представляемой разросшемуся чиновному аппарату, уже привело к значительной утрате предшествующих завоеваний. Немалое раздражение вызывает и деятельность подотчетных государству средств массовой информации, демонстрирующих легко считываемые людьми методы манипулирования.

Все это оказывает разрушающее влияние на сознание граждан, снижает уровень доверия к власти, вызывает не только латентные, но и открытые протесты.

Можно, вероятно, констатировать, что фундаментальные институты, миссия которых – «естественно» выполнять функции воспроизводства общественного порядка, находятся сегодня на перекрестке, оказываясь в ситуации сильного давления преобразований. Как повлияет это на их роли в обществе, обретающем новые контуры на пересечении цифровых, информационных, и иных коннотаций, увеличивающих риски социального бытия? Будут ли в этих институтах сформированы механизмы предотвращения, или хотя бы сокращения рисков? Будет ли достигнут компромисс фундаментальных институтов с солидаристскими социальными практиками?

Попытки ответа на эти и иные, не менее сложные вопросы, стремление адекватно диагностировать текущее состояние, поднимаясь над эмоциональным, субъективным отношением к нему, как раз и содержатся в текстах социально-гуманитарной направленности. Именно они задают диапазон и ценностно-смысловые модели формирования опыта и самосознания человека, становясь своеобразным навигатором в социальной реальности.

Читатель найдет в данном выпуске статьи, посвященные анализу общего состояния российского общества (В.П. Веряскина, П.Н. Киричѐк, И.Я. Шимон). Особое внимание в статьях М.П. Король, М.А. Козловой и Н.Д. Ворониной уделено солидаристским практикам и многообразию форм социальной сплоченности в российском обществе, выявленных в ходе социологического исследования с применением квалиметрического подхода. Артикулированы риски, связанные с отношением молодежи к терроризму и экстремизму (Т.В. Балужева), рассмотрены социальные протестные практики (В.А. Савченко, Е.А. Исмаилов). Кроме того, мы публикуем работы молодых авторов в рубрике «Проба пера».

Главный редактор,
доктор философских наук, профессор

Н.Г. Багдасарьян

Baghdasaryan N.G. "Society and culture: transitivity risks"

Общество и культура: риски транзитивности

УДК 101.1:316

В.П. Веряскина

Трансформация человека в обществе риска: роль социальных и биомедицинских технологий

Аннотация:

Статья посвящена анализу тенденций трансформации человека в эпоху позднего модерна. Эти тенденции обусловлены вызовами в области человеческого развития, которое определяется как расширение возможностей выбора в социальной и индивидуальной жизни. Вызов в социальной жизни связан с кризисом общества наемного труда и возникающими рисками индивидуализации. Контекстом трансформации человека становится утрата контроля над переменами, неопределенность, и как следствие – биографическое разрешение системных противоречий. Управленческие техники манипуляции поведением создают риски в индивидуальной жизни. Выбор стиля жизни формирует самоидентичность человека, но ведет одновременно к рискам и ответственности за этот выбор. Использование биотехнологий, в том числе и биомедицинских, может служить улучшению и позитивной трансформации человека, но в рамках этико-правового регулирования и определении границ безопасного вмешательства в человеческую природу.

Ключевые слова: человек, трансформация, человеческое развитие, социальные технологии, труд, управление, биотехнологии, риск, жизненная политика, этика

Об авторе: Веряскина Валентина Петровна, кандидат философских наук, доцент, Институт философии РАН, старший научный сотрудник; эл. почта: vprveryaskina@gmail.com

Идея совершенствования развития человека в историческом развитии общества

Идея совершенствования человека и преобразования его природы в определенном социокультурном контексте не нова. Новым мы сегодня воспринимаем вопрос о направленности, векторе движения к образу человека, которого мы считаем совершенным.

Можно выделить, по крайней мере, три подхода, которые уже реализовались в историческом развитии: это нормативный подход, рефлексивный и научно-технологический. Нормативный подход связан с культурной традицией, где идеал человека и должное, достойное поведение декларируются и реализуются в процессах социализации. Примерами могут служить модель «благородного человека» в китайской культурной традиции, человека как Путника тайны и наместника Бога на земле в исламской культурной традиции, трактовка человека как образа и подобия Бога в христианской традиции.

Рефлексивный подход к улучшению человека на пути к движению к совершенству предполагает практики «заботы о себе» (М. Фуко), активный процесс самовоспитания, самоанализа, работу мысли над собой. Современный вариант рефлексивного подхода обусловлен поисками идей более справедливого общества, насколько это возможно в условиях капитализма, что связано с обсуждением и реализацией равенства возможностей в обществе и распределением ресурсов развития. В данном социально-историческом контексте актуальна проблема развития человеческих качеств и личностного потенциала. Программой развития ООН в 1990 г. был инициирован глобальный проект человеческого развития, которое трактуется как процесс расширения возможностей людей вести долгую и здоровую жизнь, приобретать знания и иметь доступ к материальным и духовным ресурсам. Этот проект позволил на основе статистических данных по базовым параметрам выявить рейтинг стран по показателю ИРЧП (Индекс развития человеческого потенциала): улучшение и динамика развития человеческого потенциала как основного ресурса социального и экономического развития стран. На индивидуальном уровне рефлексивный подход реализуется в политике стиля жизни, основанной на выборе. Э. Гидденс в работе «Современность и самоидентичность» [11] отмечает, что жизненная политика – политика выбора связывается с репродуктивными технологиями, модой, влиянием экспертного знания и СМИ на индивидуальность человека как рефлексивный проект. Нарастающей тенденцией становится переход от практик нравственного самосовершенствования на основе традиций и внутренней духовной работы к надеждам на научно-технические возможности улучшения и конструирования человека.

*Достижения и вызовы в области человеческого развития в условиях
рискогенного общества*

Мир, в котором мы живем сегодня, тесно связан с понятиями возможности и неопределенности, с представлениями о риске. Обратим внимание на определение риска, которое дает известный социолог Э. Гидденс: «Риск – это не то же самое, что опасность или угроза. Понятие риска связано с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. Оно широко используется лишь в обществе, ориентированном на будущее, для которого будущее – это территория, подлежащая завоеванию и колонизации. Концепция риска предполагает наличие общества, активно пытающегося порвать с собственным прошлым, - а это главная характеристика индустриальной цивилизации нового и новейшего времени» [2, 39]. Есть риски, связанные с внешними угрозами (неурожаи, наводнения, эпидемии) и так называемые рукотворные риски, возникающие в результате человеческой деятельности. Именно они сегодня вызывают особую озабоченность и проблематизируют вопрос об управлении рисками.

В Докладах, посвященных человеческому развитию, в рамках Программы развития ООН (ПР ООН), представляется следующая картина развития на глобальном уровне [4, 4].

В период с 1990 г. мир значительно продвинулся вперед по пути человеческого развития [4, 4]. Люди живут дольше, большее количество детей ходит в школу, больше людей имеет доступ к чистой воде и базовым санитарно-гигиеническим условиям. Глобальное значение ИЧР (Индекс человеческого развития) выросло более, чем на четверть, а в наименее развитых странах – наполовину. Численность людей, живущих в условиях низкого уровня человеческого развития снизилась с 3 млрд. в 1990 году до ~1 млрд. в 2014 году. Этот прогресс вместе с повышением доходов способствовал формированию самого высокого уровня жизни в истории человечества.

Вместе с тем человеческий прогресс еще нестабилен, распространены лишения, и значительная часть человеческого потенциала остается неиспользованной.

- В странах мира 795 млн. человек страдают от хронического голода;
- Во всем мире 780 млн. взрослых и 103 млн. молодежи (15-24 года) неграмотны;
- К числу тяжелейших лишений относится неиспользование человеческого потенциала в работе: В 2014 году, согласно официальным данным о безработице – 204 млн. человек не имели работы (из них – 74 млн. молодежи), а 830 млн. человек были малоимущими работающими (живут на 2 доллара в день).

- Проблема роста неравенства доходов: на долю 80% населения мира приходится только 6% мирового богатства, а в 2016 году, по оценкам, на долю 1% населения приходится более половины богатства.

Такая картина социального развития человеческих ресурсов с точки зрения будущих последствий носит рискогенный характер и требует мер по управлению социальными рисками, которые уже в настоящее время обозначились в форме неконтролируемой миграции, террористических войн и цветных революций. Социальные технологии управления социальными рисками в области человеческого развития связаны с приверженностью *принципу всеобщности* на глобальном и национальном государственном уровне. «Государство всеобщего благосостояния, истоки которого можно проследить еще в «законах о бедных», принятых в елизаветинской Англии, - это, по сути, система управления рисками (risk management). Она призвана защищать от опасностей, некогда рассматривавшихся как воля богов, - болезней, потери трудоспособности, безработицы и старости» [2, с. 39].

На глобальном уровне сформулированы принципы управления рисками, которые могут быть реализованы при соответствующих ресурсах и полномочиях на уровне государств. Они сформулированы в одном из последних Докладов ООН о человеческом развитии с характерным названием: «Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости». Приверженность *принципу всеобщности* – национальная и глобальная – означает всеобщее предоставление социальных услуг, укрепление социальной защиты и обеспечение полной занятости. В Докладе поясняется: *всеобщее предоставление социальных услуг* предполагает доступ к образованию, медико-санитарной помощи, водоснабжению и канализации, общественной безопасности. Всеобщий характер мер содействует социальной солидарности, причем доступ к базовым элементам достойной жизни не следует увязывать с платежеспособностью.

Укрепление социальной защиты. Социальная защита включает в себя страхование от безработицы, пенсионные программы, регулирование рынка труда. Сильная социальная политика не только улучшает индивидуальную жизнестойкость, но и содействует жизнестойкости экономики в целом.

Обеспечение полной занятости. Всеобщий доступ к достойному труду является ключевым элементом формирования жизнестойкости в масштабах общества; он способствует усилению психологической субъектности, созданию социальных связей,

социальной стабильности и социальной сплоченности, безопасности, в то время как следствием безработицы становится рост преступности, самоубийств, насилия, употребление психоактивных веществ [3].

Следует отметить важность понимания того, что снижение уязвимости и формирование жизнестойкости имеют большое значение для устойчивого человеческого развития. Оно вписывается в национальные контексты развития и может влиять на стратегии, повышающие качество человеческого капитала.

Мы указали на значимость принципа всеобщности в решении актуальных проблем и вызовов, связанных с развитием человека. Однако реальная практика его проведения в жизнь далека от совершенства. Слабость государственных социальных технологий, обусловленная ограниченностью ресурсов, доминированием транснациональных компаний, связанных с международным капиталом и финансами, и тем самым ограничивающих возможности национальных государств, особенно в сфере рынка труда, приводит к возникновению индивидуализированного общества (З. Бауман) в последней трети XX – начале XXI века. Утрачивается былая сбалансированность между общественным и частным, за счет которой поддерживалась устойчивость социального порядка.

Индивидуализация рассматривается З. Бауманом в первую очередь как отрицание форм социальности, известных из прошлого. В этой связи «личное и общественное остаются неразрывно связанными, но жизнь человека становится не столько взаимодействием с обществом, сколько *биографическим разрешением системных противоречий* (курсив – В.В.).

Таким образом, положение человека в условиях индивидуализированного общества, его жизненный путь и биография насыщаются рисками, часто непредсказуемыми с точки зрения будущих последствий: «Явление, которое исследователи стараются постичь, это совокупный опыт неуверенности человека в его положении, в правах, в доступных средствах к существованию, неопределенности относительно преемственности и будущей стабильности, отсутствие безопасности для физического тела человека, его личности и их продолжений – имущества, социального окружения, сообщества» [1, с. 194]. Эта неопределенность сопровождается социальным и психологическим переживанием таких проблем как общественное неравенство, бедность, безработица, причем нарастающая неопределенность воспринимается уже как естественный способ существования. Особенно

значимыми, и потому болезненно воспринимаемыми, становятся проблемы, связанные с трудом.

Трансформация общества наемного труда – один из важнейших социальных трендов XXI века. В современном обществе на передний план выходит социальная проблема непрочности, уязвимости, исключения, сегрегации, заброшенности, дезаффиляции¹. Р. Кастель показал, как проблематика уязвимости и социального исключения, претерпевая исторические метаморфозы, связанные с трудом, местом в социальном разделении труда, статусом, обусловленные трудом, правовыми гарантиями и социальным страхованием, что достигнуто значительными усилиями, приводит к новой неустроенности и нестабильности наемного работника в современной социальной ситуации.

Р. Кастель дает характеристику «лишним людям» и свое понимание «негативного индивидуализма»: «Наше общество будто бы с удивлением вновь открывает для себя существование группы населения, которая, как считалось, ушла в прошлое, а именно – «лишних людей», находящихся в обществе, но не принадлежащих к нему. Социальная бесполезность дисквалифицирует их в политическом и гражданском плане. В отличие от подчиненных групп индустриального общества – эксплуатируемых, но необходимых, они не могут влиять на ход вещей. Это «социально бессильные» и «лишние нормальные люди». Проблемой является именно сам факт их существования. *Поскольку эти индивиды определяются негативно (бесполезные, социально бессильные), то размеры этой группы трудно определить. И обычно они это сознают*» [5, с. 478]. (курсив наш – В. В.).

Такая форма индивидуализма, которая сочетает полную независимость индивида с полным отсутствием прочности его положения, характеризует «негативный индивидуализм». Он индивид в чистом виде и вследствие этого всего лишен: «Он индивидуализировался настолько, что стал сверхнезащищенным, выделился из плотной ткани зависимостей и взаимозависимостей» [5, с. 542].

Можно сделать вывод: *современный процесс индивидуализации глубоко амбивалентен, противоречив. Он угрожает обществу фрагментацией, которая делает его неуправляемым, поляризует общество, так как существуют те, кто сочетает*

¹ Примечание: дезаффиляция – от понятия аффиляция – стремление принадлежать к какой-либо социальной группе, быть интегрированным в нее, иметь связи с членами данной группы. Мотив аффиляции – один из основных (наряду с мотивами достижения и власти) мотивов человеческого поведения. Дезаффиляция, таким образом, есть разрыв связи с группой, утрата чувства принадлежности.

индивидуализм с независимостью, поскольку имеет прочную социальную позицию - «позитивный индивидуализм», и те, кто несет свою индивидуальность как крест, так как она означает недостаток социальных связей и отсутствие защиты – «негативный индивидуализм».

Это ставит вопрос о социальной сплоченности. Нам необходимо не полное равенство, но базовые условия для всех, минимальная гарантированная социальная защита, являющаяся условием социального гражданства. Этот тренд – трансформация индивидуализации, формирует контуры будущего. Вектор развития будет зависеть от таких факторов, как интеллектуальная рефлексия, понимание ситуации во всей ее сложности, политическая воля, направленная на социальную сплоченность общества и роль социального государства как социального института, создающего нормативный базис, противодействующий «негативному индивидуализму».

Управленческие техники и жизненная политика выбора как тенденции трансформации человека

Многие исследователи указывают, что управленческие техники будут все более расширяться в воздействии на человека. Герман Кан, например, считает, что в ближайшие 33 года в возможных технических изобретениях обнаруживается большое количество техник контроля за поведением и изменением личности [9, с. 108]:

- Новые и более всеобъемлющие техники надзора, мониторинга и контроля;
- Новые, более надежные «образовательные и пропагандистские техники», влияющие на частное и общественное поведение;
- Практическое использование непосредственной электронной коммуникации для стимулирования работы мозга;
- Разнообразные лекарственные препараты для контроля над утомляемостью, релаксацией, тревожностью, настроением, личностью, восприятием, фантазиями;
- Проверенные возможности «перемены пола»;
- Разные способы генетического контроля конституции индивида и влияния на нее.

Какие риски несут подобные управленческие техники, возможность которых не исключена в будущем и уже отчасти реализуется в настоящем?

По мнению Ю. Хабермаса, это может привести к следующим последствиям: во-первых, психотехнические манипуляции поведением могут исключить субъектную

интерпретацию культурных норм. Во-вторых, биотехнологическое вмешательство в эндокринную систему и генетическую передачу наследственной информации может привести к еще более глубокому контролю над поведением. Он делает вывод: «Самообъективация человека была бы завершена в запланированном отчуждении – люди бы стали творить свою историю по собственной воле, но неосознанно» [9, с. 108]. Таким образом, место определенного культурой самопонимания социального жизненного мира занимает самоовеществление человека в рамках целерационального действия и адаптивного поведения.

В современной литературе обсуждаются вопросы «трансгуманизма» и возникновения «постчеловека» как более совершенного индивида, что связывается с идеями улучшения биологического тела человека, причем иногда в аспекте генетической специализации людей будущего. При этом не учитывается такой факт, что человек – это сложная, самоорганизующаяся система, изменение одного из элементов которой ведет к изменению остальных элементов системы, что может иметь следствием непредсказуемые и неуправляемые последствия. Я присоединяюсь к позиции тех, кто считает, что «риски всегда сопутствуют радикальным трансформациям человека как биосоциальной системы» (В.С. Степин). «В отличие от трансгуманистов, – пишет В.С. Степин, – я не воспринимаю позитивно-восторженной сценарий постчеловека... Если игнорировать ситуации риска при генетических манипуляциях с биологической составляющей человеческой телесности, то скорее всего, будут созданы условия не для совершенствования человека, а для новых кризисов и социальных катастроф» [7, с. 40-41]. Одной из таких угроз, обоснованно пугающих человека является страх потери *человеческой* идентичности, размывание границы [10, с. 106] между естественным человеком и его искусственно созданными аналогами. К искусственно созданным аналогам относятся робот, андроид, киборг. «В триаде “человек-андроид-животное”» киборги и андройды, “искусственные люди”, имеют общее с человеком, прежде всего, способность к логическому мышлению и целеустремленность, в то время как общим для человека и “человекозверей” являются физиология и витальность. Человек по сравнению со своими гибридами является чем-то вроде “золотой середины”, человек умеет подчинить физиологию и инстинкты разуму и мысли, однако способен также на эмоциональность и спонтанность» [6, с. 106]. Вопрос о природе человека как вида, его идентичности имеет длительную историю самопонимания и саморепрезентаций, выделяющих сущностные доминанты – разум, труд, открытость, незавершенность и другие особенности, но в век биотехнологий и биомедицинских

технологий этот вопрос приобретает особый смысл. Наука и основанные на знаниях технологии дают возможность, с одной стороны, оказывать позитивное терапевтическое воздействие на человека, его телесность и психику, но и одновременно создают соблазн улучшения человеческой природы, а на индивидуальном уровне – расширяют возможности выбора.

Если управленческие техники, о которых шла речь, воздействуют на человека извне, то жизненная политика предполагает *выбор*, это политика *выбора стиля жизни* [11] (Э. Гидденс). Она связана с самореализацией человека в обществе позднего модерна, опирается на научный потенциал предлагаемых к использованию технологий. Политика жизненных решений, проистекающая из свободы выбора, ставит вопросы о создании морально-оправданных форм жизни, порождает мораль, которая озабочена вопросом, как нам следует жить в посттрадиционном обществе. Жизненная политика затрагивает *самоидентичность* человека, которая сегодня становится рефлексивным проектом. Применительно к проблеме индивидуальности человека политику стиля жизни, основанную на выборе, можно считать базовой социальной технологией. Какие же проблемы выбора формируют самоидентичность как рефлексивный проект? Э. Гидденс указывает на эти болевые точки:

- Гендерная идентичность: останется ли личность анатомически с тем же полом, в котором родилась;
- Проблема аборта: имеет ли правообладатель тела право на произведенное им? Является ли зародыш человеком? Как это соотносится с философским определением человека, правами человека и нравственностью;
- В условиях позднего модерна тело стало условием рефлексивной реструктуризации. В традиционном обществе оно «было дано», теперь его границы изменяются, так как в него входят *рефлексивная программа индивидуальности* при посредничестве абстрактных систем (экспертное знание). Это путеводители, практические руководства о том, как заниматься здоровьем, внешним видом, упражнениями, любовью и т.д. Это социальные технологии, преобразующие естественное. Обращение к телу инициирует новый поиск идентичности, и стратегии телесного развития занимают значительное место в жизненном планировании.

В итоге, совершенствование и его предполагаемый результат «совершенный человек» мыслится теперь не столько на пути духовного самосовершенствования, как было ранее, в традиционном обществе, на этапе, предшествующем поздней современности, сколько доминантой становятся телесные практики, в том числе, и

распоряжение телесными продуктами и частями тела. Чем больше мы рефлексивно «делаем себя» как личности, тем больше сама категория того, чем является личность или человеческое существо, выходит на первый план, то есть возникает вопрос о границе, в которой человек остается человеком.

Какова оценка жизненной политики, основанной на индивидуальном выборе и научных технологиях? Можно ли эти процессы считать совершенствованием человека, улучшением его природы? Ответ неоднозначен. Эти практики амбивалентны, так как наряду с лечебными эффектами, несут в себе значительные риски. Эти риски таковы: во-первых, социализированная репродукция соотносит индивидуальные решения с преемственностью самого человеческого вида. Ю. Хабермас считает, что мы «на пути к либеральной евгенике» и речь идет о самоинструментализации человеческого вида; во-вторых, рост населения как главного ресурса и потенциала любой страны становится включенным в абстрактные системы (знания, экспертизы); в-третьих, индивидуальное принятие решений может привести к непредсказуемым последствиям (гендерный дисбаланс и дисбаланс по половому признаку).

Положительными моментами, возникающими в связи с жизненной политикой, является возвращение на социально-значимое место моральных и экзистенциальных вопросов. Это восстановление нравственности в общественной жизни и обновление моральных дискуссий о различных вариантах стиля и образа жизни.

Прогресс научного знания и его влияние на улучшение человеческой природы в проекте «Геном человека» и его этические основы

Беспрецедентным для предшествующего исторического развития общества стало знание биологии и медицины, способное повлиять посредством практического применения биотехнологий на человеческую природу. К их числу относятся пренатальная диагностика наследственных заболеваний, оплодотворение в пробирке, трансплантация органов, генная инженерия. Эти биомедицинские технологии и многие другие, связанные с расшифровкой генома человека, дают большие надежды на их терапевтическое использование во благо человека, улучшение его здоровья и эффективное лечение, но, вместе с тем, порождают новые, ранее неизвестные проблемы и риски, как морального, так и правового порядка. В обществе, в философии, медицинской практике и в научно-исследовательских коллективах идут активные дискуссии о том, какие моральные и правовые нормы считаются наиболее адекватными на современном этапе развития науки, особенно в связи с расшифровкой генома человека и возможностями практического использования этого знания. Биоэтика,

возникшая как ответ на этот вызов и запрос общества, сформулировала базисные принципы и правила: «принцип «делай благо», принцип «не навреди», принцип автономии личности и принцип справедливости. К трем основным моральным правилам принадлежат «правило правдивости», «правило конфиденциальности» и «правило информированного согласия» [8]. Каждый из этих принципов и правил подробно разъясняется и комментируется в Декларациях и заявлениях международных комитетов по этике. Среди этих документов особенно важны такие, как Конвенция Совета Европы «О защите прав и достоинства человека в связи с использованием достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине», Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека, «Декларация Бильбао», «Декларация Инуяма» и другие документы. Анализ этих регулятивных международных документов и заявлений указывает на необходимость соблюдать в области использования достижений современной биологии и медицины защиты достоинства и индивидуальной целостности каждого человека, гарантировать уважение личности, ее основных прав и свобод, совершенствовать национальное законодательство в этой области. В Конвенции Совета Европы отмечаются такие важные положения как приоритет человека, то есть интересы и блага отдельного человека должны превалировать над интересами общества и науки; медицинское вмешательство осуществляется только после добровольного информированного согласия; частная жизнь и право на информацию: каждый человек имеет право рассчитывать на уважение собственной частной жизни и сведений о своем здоровье; Особый социальный этический смысл приобретает положение о запрещении любой формы дискриминации по признаку генетического статуса того или иного лица (статья 11). Это касается приема на работу, страхования, кредитования и других социальных акций.

Трансформация человеческого потенциала – улучшение состояния здоровья, эффективное лечение наследственных заболеваний, улучшение демографических показателей народонаселения на основе пренатальной диагностики, трансплантация органов и тканей человека – возможна сегодня на основе научного знания и биотехнологий, что можно считать современным этапом улучшения человеческой природы. Вместе с тем, фундаментальные проблемы биологии и медицины, особенно их социально-экономические, этические и юридические аспекты должны подвергаться широкому общественному обсуждению. Это важно потому, что наряду с улучшением и пользой, которую они могут принести, возникают серьезные риски. Именно поэтому важна

социальная коммуникация с целью достижения консенсуса в этико-правовом регулировании и определении границ безопасного вмешательства в человеческую природу.

Библиографический список:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
3. Доклад о человеческом развитии 2014. Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости. ПР.ООН. М.: Весь мир, 2015.
4. Доклад о человеческом развитии 2015. Труд во имя человеческого развития / пер. с англ. Программа развития ООН. М.: Весь мир, 2016.
5. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. / пер. с фр.; общ. ред. пер. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейл, 2009.
6. Кожевникова М. Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии. М.: ИФ РАН, 2017. С. 106.
7. Степин В.С. Трансгуманизм и проблема социальных рисков (Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий): Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? / Отв.ред. Г.Л. Белкина. М.: Ленанд, 2016.
8. Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Проект «Геном человека»: этические и правовые нормы // Этико-правовые аспекты проекта «Геном человека» (Международные документы и аналитические материалы). М., 1998. С. 15.
9. Хабермас Ю. Наука и техника как идеология. М., 2007.
10. Юдин Б.Г. Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий // Вопросы социальной теории. 2011. Т. V. С. 106.
11. Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Stanford (Cal.). 1991. 256 p.

Veryaskina V.P. Transformation of a person in a risk society: the role of social and biomedical technologies

The article is devoted to the analysis of the trends of human transformation in the era of late modernity. These tendencies are linked to the challenges in the field of human development, which is defined as the expansion of choices in social and individual life. The challenge in social life is connected with the limitation of opportunities in connection with the crisis of the wage-labor society and the emerging risks of individualization. Context of human transformation is the loss of control over changes, uncertainty, and as a result of biographical resolution of systemic contradictions. Risks in the individual life are associated with management techniques of behavioral manipulation. The choice of lifestyle forms the self-identity of a person, but leads

simultaneously to the risks and responsibilities for this choice. The use of biotechnologies, including biomedical, can serve to improve and positive transformation of a person, but within the framework of ethical and legal regulation and defining the limits of safe intervention in human nature.

Keywords: person, transformation, human development, social technologies, labor, management, biotechnology, risk, life policy, ethics

УДК 304.9

М.П. Король

**Деструкция солидаристских практик в постсоветской России:
аксиологическая проекция**

Аннотация:

Современная Россия – «травмированное общество», которое несет в себе черты различных эпох. Экспансия капиталистических отношений как следствие реформ 90-х годов XX века сформировала новые социальные практики. Общественное сознание расколото, что девальвирует ценности солидарности как источника силы и энергии для достижения «большой цели», характерной для России в предшествующий период истории.

Ключевые слова: постсоветская Россия, «травмированное общество», солидарность, консолидация, капитализм, модернизация

Об авторе: Король Марина Петровна, кандидат философских наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: marina.korol4@gmail.com

Изучение социальной реальности и ее концептуализация основаны на рефлексии определенных структурных признаков существующего общества. В результате социальные теории конституируют себя как анализ настоящего. Так, социальные контексты нашей современности рассматриваются учеными сквозь призму концептов с разнообразными названиями: «общество спектакля», «ускользающий мир», «текущая современность», «макдоналдизация общества, «общество риска». Образы социальной реальности высвечиваются через различный спектр характерных признаков, детерминированных радикальными технологическими и коммуникационными инновациями: рассинхронизация, дисфункциональность прежних форм жизнедеятельности, случайность, альтернативность, хаотичность, дисбаланс между общественным и частным. Этот взгляд на мир необратимо множественного, расколотого на большое число суверенных единиц, не организованного ни в горизонтальном, ни вертикальном порядках, полон пессимизма и рефлексивует современное общество как общество слабых связей.

Вместе с тем общество, в котором происходят столь быстрые и радикальные изменения, испытывает потребность в понимании происходящего и обретении модели, которая не даст ему распасться. В этой связи возрастает значимость концептов, воплощающих предсказательную способность модельного описания, потенциал которых может обеспечить стратегическое проектирование «иной» социальной реальности. Эти теоретические конструкции делают акцент на социально-созидательном потенциале человека, который обуславливает социальное взаимодействие и осознанную готовность индивида к участию в коллективных действиях, направленных на достижение определенной цели, способствующих формированию чувства социальной солидарности.

Новые поля научного знания для создания оригинальных теоретических подходов к анализу современности креативны, но они не отрицают достижений классических традиций. Так, обращение к наследию Э. Дюркгейма позволяет рассматривать солидарность традиционного общества и солидарность современного общества как механическую и органическую. Солидарность у Э. Дюркгейма не субъективный, а объективный процесс, заданный социальными фактами.

Анализ социальных фактов, характерных для социальных процессов современного российского общества дает основания оценивать солидаристские практики в постсоветской России как деструктивные.

Постсоветская Россия – это новая социальная реальность, которая сложилась за четверть века на основе радикальных сдвигов крушения социальных структур социалистической системы. Начало этому процессу было положено неолиберальными реформами Гайдара – Ельцина, разработанными в сотрудничестве с экспертами МВФ и западными экономистами с целью демонтировать плановую экономику и обеспечить запуск новой модели хозяйствования как основы капиталистического уклада. «Отцы-реформаторы» инициировали приватизацию, в ходе которой все, что было создано трудом нескольких поколений советских людей, оказалось в руках узкой группы лиц. Социологический опрос показал, что «лишь 8% россиян считали, что приватизация осуществляется «в интересах трудящихся». По мнению же почти четверти населения – «в интересах торговой мафии» и в «интересах чиновников госаппарата» (27%)» [3, с.184]. Была сформирована экономическая модель, которая ориентировалась не на создание новых потребительских благ, а на присвоение ранее созданного богатства.

Россия вернулась на орбиту капитализма вследствие паразитической приватизации, результатом которой стало оформление квазирыночной и квазидемократической модели общественного развития.

Транзитивное состояние российского общества отражается на его перманентно усложняющейся структуре, в рамках которой возникают «белые пятна», поэтому для его анализа показан синтез стратификационного, классового, сословного, функционального и иных подходов современной социологии [6].

Если использовать идею М. Вебера о позитивной и негативной привилегированности, которая заключается в значимости жизненных шансов индивидов, то модель стратификации российского общества выглядит следующим образом: население России распадается на три основные страты. Верхняя страта составляет 15%. Положение и самочувствие представителей этой страты качественно отлично от остальных россиян. С точки зрения профессионального статуса, это в основном профессионалы, руководители и предприниматели, т.е. люди, которые занимают привилегированное положение в системе производственных отношений, они удовлетворены разными аспектами своей занятости, проведением досуга и самореализацией в целом. Кроме того, в настоящее время они сосредоточены в основном в крупных городах – Москве, Петербурге, республиканских, краевых и областных центрах, вне зависимости от места их рождения.

По своему положению и самочувствию близки средняя – 55% и нижняя – 30% страты. Эти страты балансирует между типичным для среднего россиянина жизненным стандартом и невозможностью его поддерживать. Данная модель стратификации свидетельствует и о том, «что наибольшая поляризация характеризует сейчас жизненные шансы и риски представителей разных страт в сферах занятости и доступа к каналам наращивания человеческого капитала. Такая ситуация будет способствовать все большей консервации имеющихся между представителями этих страт различий и постепенному их «закрытию»... Анализ позволяет утверждать также, что констатируемая Росстатом доля бедных в разы меньше реально депривированной части населения, неспособной поддерживать типичный для среднего россиянина образ жизни...» [9].

Так вице-премьер О.Ю. Голодец на конференции «Неделя российского бизнеса — 2017» констатировала, что бедность в России уникальная: «Это уникальное явление вообще в социальной сфере — работающие бедные. У нас нет такой квалификации, которая достойна уровня заработной платы в 7,5 тысячи рублей» [8]. В то же время богатейшие люди России представлены внушительным списком в рейтинге Forbes, отражающем общемировой

тренд: рост числа мировых миллиардеров. В список Forbes в 2017 году вошло 96 представителей России, на 19 больше, чем годом ранее [7].

Собственно, в этом как раз проявляется природная характеристика капитализма – порождать неравенство в доходах.

Экспансия капиталистических отношений формирует российское общество, для которого становится привычным стремление граждан в пространство общественных задач, где можно обрести личный успех и продемонстрировать личные способности. Индивидуализация, становление частных миров оказываются для большинства россиян более важными, чем коллективы, в которые они входят, и более значимыми, чем государство, от которого они более не ждут поддержки. Слабнут социальные связи, разрывается целостная ткань общества на микро- и макроуровнях в векторах различной направленности. Девальвируются базовые ценности, к которым однозначно относятся ценности самоидентификации, связанные с тем, что человек соотносит себя со смыслами источников своего становления через принадлежность к некоторой объемлющей социальной общности, как, например, этнос, нация.

Россия представляет собой травмированное общество, «которому присущи противоречивые, взаимоисключающие ориентации и установки» [10]. Опыт построения социалистического общества в нашей стране стал своеобразным социокультурным кодом, «укорененным в сердцах», что отразили исследования, проведенные институтом социологии РАН, которые согласуются с опросами ФОМ. Большинство россиян считают, «что российское общество устроено менее справедливо, чем советское», и что наиболее популярная в России мечта – «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» [4, 291]. Однако советское прошлое представляется анахронизмом для новой генерации, выросшей на культурных образцах, «нового» российского капитализма. Между поколениями, у которых нет общего языка, невозможна полноценная коммуникация, разрываются межпоколенческие вертикальные и горизонтальные связи.

Это открывает для общества перспективу, лишенную оптимизма: вхождение в состояние системного конфликта. Уже сейчас в аксиологической проекции можно выделить целый ряд конфликтов современной России:

- конфликт между представителями разных политических культур. В конфликте политических культур происходит столкновение между носителями политических ценностей, норм, обычаев, традиций, способов политического поведения,

форм (моделей) политической организации общества, ценностных ориентаций и целей развития [5];

- конфликт между декларируемой необходимостью перемен и постулированием стабильности как ценности;
- конфликт между ценностями рынка, индивидуальной предприимчивости и традиционалистскими, государственно-патерналистскими началами в экономике и социальной жизни;
- конфликт установок на патернализм с его материально-потребительскими ценностями, популизмом и деполитизацией публичного пространства с крайним индивидуализмом;
- конфликт между установками на социальную справедливость как «категорический императив» россиян и развитием социальной элитарности, усиленной культурным разрывом [1].

Конфликты обостряют социальные противоречия, подрывают нравственные основы общественного единства и согласия.

Конечно, в масштабах всего российского общества, которое представляет собой множество «параллельных миров», говорить об общих ценностях и доверии весьма сложно. Правильнее говорить об общественной атмосфере, в которой царят общие ценности и дух доверия, сплачивающие или, напротив, разъединяющие общество.

В этой связи надо заметить, что общество, разрываемое конфликтами, не способно к свершениям и преобразованиям. А ведь любой модернизационный проект, помимо ресурсного материального и финансового обеспечения, нуждается в социально-психологической и моральной поддержке населения, в консолидации всех социальных слоев. Поскольку солидарность как общность ценностей, активное сочувствие убеждениям или действиям других людей выступает источником силы и сопротивления. Солидарность способна наполнить общество энергетикой большой цели, «если оно придет к осознанию необходимости консолидации для созидания не какого-то воображаемого будущего, а реальной современности» [2, 171].

На какой основе может консолидироваться российское общество? На укреплении таких значимых ценностей, как патриотизм, социальная справедливость, взаимоуважение и взаимопомощь, общность исторической судьбы народов России? На основе формирующегося консенсуса по поводу путей, целей, задач, методов построения демократического общества в России?

Ясно одно: «острые конфликты сегодняшнего времени ставят вопрос о возможности их разрешения посредством коммуникации, диалога и компромисса» [11, 269]. Для этого необходимо создание реальных социально-экономических и культурных условий для согласования в ментальном поле разнообразных комплексов представлений и установок россиян. Это будет способствовать тому, что люди, исходящие из данных установок в своем мышлении и поведении, могли бы формировать среду согласия как основы для нового модернизационного витка в циклическом развитии России.

Библиографический список:

1. Алейников А.В., Стребков А.И. Конфликты и социальная стабильность в современной России [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2015. №12. С. 27-41. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1297&Itemid=44 (дата обращения: 15.10.2018 г.).
2. Багдасарьян Н.Г., Король М.П. Социальное время современной России: многомерность или «калейдоскоп разорванных фрагментов» // Социальная политика и социология. 2016. Том 15. №3 (116). С. 166 -175.
3. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т.1. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф. 2016. 416 с.
4. Горшков М.К., Крумм Р., Тихонова Н.Е., др. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир. 2013. 400 с.
5. Козырев Г.И. Конфликтный потенциал современного российского общества [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2017. №6. С.68-78. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/48854590> (дата обращения 10.03.2018).
6. Немировский В.Г. Представления о справедливости в контексте сословной структуры современного российского общества. [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2017. № 9. URL: <https://dlib.eastview.com/search/pub/doc?pager.offset=0&id=49434258&hl=> (дата обращения: 1.11.2018 г).
7. Рейтинг Forbes. 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/news/341133-sovokupnoe-sostoyanie-96-rossiyskih-milliardero-prevysilo-7726-mlrd> (дата обращения: 4.11.2018г.).
8. РИА Новости. Россия сегодня. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/society/20170314/1489974515.html> (дата обращения: 4.11.2018 г).
9. Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2018. № 6. URL: <https://dlib.eastview.com/search/pub/doc?pager.offset=6&id=51336779&h> (дата обращения: 1.11.2018 г).
10. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества [Электронный ресурс]. 2015. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с. URL: http://socioprognoz.ru.lgb.ru/files/File/2014/Toschenko_2015_001_668.pdf (дата обращения: 4.09.2018г.).
11. Федотова В.Г. Демократическая консолидация, пути консолидации и концепции солидаристских практик. Консолидация и модернизация России. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 384 с.

Korol M.P. Destruction of solidarities practices in post-Soviet Russia: projection of axiology

Modern Russia is a “traumatized society”, which bears within it features of different eras. The expansion of capitalist relations as a result of the reforms of the 1990s of the XX century formed new social practices. Public consciousness is split, which devalues the values of solidarity as a source of strength and energy to achieve the “big goal” characteristic of Russia in the previous period of history.

Keywords: post-Soviet Russia, “traumatized society, solidarity, consolidation, capitalism, modernization

УДК 316.43 (304)

П.Н. Киричѐк

Социокультурные доминанты и онтологические риски транзитивного общества

Аннотация:

В статье рассматривается взаимосвязь онтологических рисков транзитивного (переходного) общества и социокультурных доминант ментального значения. Выявляется причинно-следственная обусловленность общественных мегацелей – самосохранения и развития – в социокультурной статике и динамике. Обозначаются условные пропорции архаики и инноватики в сферах труда, быта, досуга индивидов и групп как социокультурные основания устойчивости транзитивного общества.

Ключевые слова: транзитивное общество, социокультурные доминанты, онтологические риски, социокультурная архаика, социокультурная инноватика, устойчивость общества

Об авторе: Киричѐк Пѐтр Николаевич, доктор социологических наук, профессор, Государственный университет «Дубна», кафедра цифровой экономики и управления, профессор; эл. почта: kpn54@yandex.ru

Феномен устойчивости общества, который выражается, в первую очередь, в его статике и, во вторую очередь, в его динамике, в целом имеет полифакторный характер – экономический, политический, социальный, нравственный, религиозный, информационный, технологический, коммуникационный и др. При всем различии перечисленных факторов, вместе составляющих условный числитель бытия, есть в социальной их природе нечто единое, что позволяет определить общий знаменатель. Это единство обеспечивает социокультурный модус бытия, слагаемый из специфических доминант (универсалий), адекватных национальному менталитету, заявленному в архетипе, традициях, привычках, обрядах. В открытом или скрытом виде социокультурные доминанты ментального происхождения проявляются в основных сферах деятельности человека, его труда, быта, досуга, что позволяет говорить об особенностях жизни по-русски, по-американски, по-китайски и т.д.

В диалектической сумме все перечисленные факторы устойчивости дают обществу на любой его стадии два основополагающих импульса для разумно-целесообразного бытия: в статическом периметре – самосохраняться, а в динамическом периметре – развиваться. Так уж устроен универсум людской мегаобщности – без самосохранения нет развития, а без развития нет самосохранения. На самом деле, общество не может стоять на месте и спорадически вступает в транзитивное (переходное) состояние для того, чтобы преодолеть уже отработанный канон политического, экономического, культурного бытия и освоить новый, более прогрессивный, аналог. В новом каноне бытия должна прослеживаться разумная калькуляция (детерминация) «долей» архаики и инноватики и адекватных им импульсов самосохранения и развития. Этот момент весьма ответственный для элиты и массы: как показывает мировая практика, история обычно наказывает те людские мегаобщности, которые в своей жизнедеятельности впадают либо в статическую, либо в динамическую крайности.

Во-первых, в статической крайности у людской мегаобщности преобладает стремление в консервативном плане самосохраняться – за счет административного (управленческого) пренебрежения материальными и духовными ресурсами развития на протяжении долгих лет. Такой инерционный крен в жизни России наблюдался в течение XIX века и начале XX века. Тогда, по исторически долгому счету промедлив с ликвидацией крепостной зависимости большинства граждан и отменой самодержавной формы управления, наша держава значительно отстала от передовых стран мира в ходе политического, социального, экономического, культурного развития, проиграв, в конечном счете, по этим причинам две войны – крымскую и японскую.

Идеологическое обоснование крайне выраженному инстинкту самосохранения общественного жизнеустройства тогдашняя элита находила в имманентной русской нации социокультурной доминанте, тенденциозно истолкованной как исконное тяготение народа к самодержавному общественному порядку: «В лице Монарха страна владеет самую сильною центральной властью для подавления всякой крамолы и устранения всех препятствий к народному благу. Она же, упраздня всякую другую власть, дает место и самому широкому самоуправлению, какого может требовать благо самого народа – народа, а не партий. Только по недоразумению думают, что монархия и самодержавие исключают «народную свободу», на самом же деле они обеспечивают ее более, чем всякий шаблонный конституционализм» [2, с. 447].

Опыт примата самосохранения над развитием в масштабном варианте повторился в Советском Союзе в 70-80-е гг. прошлого века: эта коллизия прослеживалась синхронно и в базисе, и в надстройке общественного устройства, оказавшегося в стадии застоя. Феномен производительных сил заикнулся на экстенсивном росте объемов производства и перестал воспринимать достижения происходившей в то время научно-технической революции. Система производственных отношений законсервировалась в государственных формах собственности, обмена и распределения валового национального продукта. Материально-техническая подсистема социального воспроизводства сосредоточилась, в первую очередь, на выпуске предметов труда (машин, станков, фабрично-заводского оборудования) и «не хотела» разворачиваться на полную мощность в сторону предметов потребления (одежды, обуви, продуктов питания, быта, сервиса).

Идеологическое обоснование происходивших в стране процессов отличалось догматической стерильностью, оторванной от действительности и реальной социокультурной доминанты, хотя сословность как главный дезинтегратор считавшегося единым и монолитным общества давала о себе знать явными симптомами уже в период хрущевской оттепели. Нравственно-психологический климат в стране постепенно сходил с прежних пафосных высот в связи с понижавшимся уровнем социального самочувствия: «Среднему человеку жить при развитом советском социализме стало скучно. И никакого выхода из этой скуки наш проект не предлагал. Более того, он прямо утверждал, что дальше будет еще скучнее... Тот социализм, что строили большевики, был эффективен как проект людей, испытавших беду. Это могла быть беда обездоленных и оскорбленных социальных слоев, беда нации, ощущающей угрозу колонизации, беда разрушенной войной страны. Но проект не отвечал запросам общества благополучного – общества, уже пережившего и забывшего беду» [1, с. 227].

Во-вторых, в динамической крайности у людской мегаобщности преобладает стремление радикально развиваться – за счет революционного (разрушительного) пренебрежения материальными и духовными ресурсами самосохранения как не нужного для спроектированных перемен консервативного балласта. Массовый соблазн в один момент решать все назревшие в обществе проблемы всегда много значил в России, и по числу гражданских (крестьянских) войн, а также свершившихся революций россияне в мире уступили только французам. По всем политическим, экономическим, культурным признакам, «в русской истории действует загадочная синусоида, по которой развивается

государство российское... Империя и вообще Россия развивается рывками. Развивается конвульсивно, через «исторические инфаркты» [4].

В очередной раз динамическая крайность социального прогресса, отдавшая примат развитию за счет самосохранения, реализовалась в России в конце XX века. Тогда элита и пошедшая за ее лозунгами масса полностью отказались в общественном бытии и сознании от социокультурных доминант коммунитаризма и, отдав предпочтение аналогам индивидуализма, решились на повторение, уже казалось, пройденного – революционным путем реанимировали в совершенно других конкретно-исторических условиях противоречивый процесс капиталистического строительства собственного производственно-экономического базиса и адекватной ему политико-идеологической надстройки. При этом коренная смена социокультурных доминант априори порождала возникновение различных рисков, которые могли отрицательно сказаться как на самосохранении, так и на развитии страны.

1. Риск первый – в экономической сфере Россия обратилась к существовавшим прежде производственным отношениям, основанным на частных формах собственности, обмена и распределения валового национального продукта, полагаясь на «волшебную» руку всемогущего рынка, способного (в абстрактном представлении) и без государственного вмешательства навести порядок в сфере промышленного, аграрного, строительного производства и дать ему «вечный» импульс к ускоренному развитию. Между тем фактор собственности (кому что принадлежит и кому что достается) в качестве решающего условия эффективности трудовой деятельности в связи с научно-техническим прогрессом уже к середине XX века уступил ведущую роль иным факторам – технологическому, организационному, профессиональному.

Абсолютный отказ от коммунитарной формулы «государство – собственник и работодатель» имел роковые для российского общества социально-экономические последствия. Произошла фактическая деиндустриализация страны с исчезновением целых производственных отраслей, создание которых потребовало в свое время героических усилий нескольких поколений граждан. Появилась стойкая безработица, опустившая миллионы людей, в том числе прекрасных инженеров и специалистов, в прежде не знакомое для них состояние своей «ненужности». Решающую роль в экономике начал играть не первичный (производственный), а вторичный (финансово-банковский) сектор. Страна под села на сырьевую (газонефтяную) иглу с расточительной эксплуатацией невозполнимых природных ресурсов в обмен с границей на постоянно воспроизводимые

предметы – одежду, обувь, пищу, лекарства, бытовую технику и др. В довершение состоялось кричащее расслоение населения на бедных и богатых (с децильным коэффициентом более 20 раз – при норме не более 10 раз). При этом единственное достижение либеральной экономики – быстрый рост числа миллиардеров, крайне удивительный для зарубежных бизнесменов и специалистов.

2. Риск второй – в политической сфере Россия перешла на апробированный в короткий исторический период 1906-1917 гг. (как оказалось, неудачный в итоге) модус общественно-государственного устройства, основанный на сочетании автократического (президент) и демократического (парламент) начал управления страной, но с явным доминированием исполнительной ветви власти над законодательной. Декларировались сформулированные на западный манер права и свободы граждан, учреждалась адекватная общемировому праву система выборов органов власти. Объявлялся плюрализм общественной жизни с возможностью создавать партии, движения, объединения, в конституционном порядке запрещалась государственная идеология, утверждалась свобода слова в печатных, электронных, сетевых средствах массовой информации.

Абсолютный отказ от коммунитарной формулы «народ и партия – едины» (как бы иронично она сегодня не звучала, хотя в годы войны с немцами работала абсолютно) имел роковые для российского общества социально-политические последствия. Произошла фактическая деполитизация страны – в том смысле, что простому гражданину (рабочему, крестьянину, строителю, учителю) прохождение избирательным путем в местный, региональный, федеральный органы власти стало равносильным пролезанию верблюда сквозь угольное ушко. Административный ресурс кандидатов от власти превращал право рядовых граждан на выборах голосовать и избирать в пустую формальность. Главный выборный орган – Государственная Дума – оказался канцелярским придатком к Администрации Президента РФ. Вопреки основному закону, в стране утвердилась с помощью технологий манипулятивного (неправового и контрречевого) характера государственная идеология либерального свойства, ее носителем выступает партия «Единая Россия», а ее представители занимают почти все руководящие должности на федеральном и региональном уровне. Состоялось сословное разделение ранее объединенной нации на «элиту» и «массу» с формально равными, но фактически неравными социально-мобильными возможностями влияния на общественную жизнь страны.

3. Риск третий. В культурной сфере Россия обратилась к принципу автономности духовной сферы социального воспроизводства, ее переводу в границы либерального фундаментализма с минимальной материальной «зависимостью» областей науки и образования от расходной части госбюджета. А также к фактической ликвидации подсистем общественного (идейно-политического, трудового, нравственного) воспитания, модернистскому подходу к «свободе» художественного и самодеятельного творчества, к отказу в стабильной государственной поддержке кино, театра, литературы, искусства, книгоиздания, качественной прессы, народных промыслов и др.

В основе этой «культурной революции» лежал глобальный замысел – полной перелицовки социокультурных доминант евразийского (православного) свойства на евроамериканский (протестантский) лад по самому короткому пути: «Готовым каналом для заражения России либерализмом стала утвердившаяся в нашей стране западническая система образования. За основу брались все те же европейские стандарты и теории – и наряду с гуманитарными и техническими науками интеллигенция получала иные «добавки»: проникалась комплексами «национальной неполноценности», привыкала считать зарубежное «передовым», а свое – «отсталым». А отсюда виделась прописной истиной необходимость реформ по чужеземным образцам» [7, с. 45].

В результате в стране подверглись нигилистической ревизии коренные духовные ценности народного бытия – гуманизм, патриотизм, героизм, коллективизм, альтруизм. Внедренный сверху либеральный фундаментализм установил квазирыночный режим существования в ключевых сферах бытия граждан: в экономике – меркантилизм, в политике – индивидуализм, в культуре – утилитаризм. Лучшее, что было создано нами, как нацией (по М. Горькому), – художественная литература утратила свои уникальные именные черты: патриотическую историчность, масштабную эпичность, глубокую проблемность, изящную лиричность, тонкую психологичность. Отечественное кино превратилось в копию с голливудского – по сути и характеру сценаристики, режиссуры, актерского и операторского мастерства. Публичная сфера буквально засорилась эпатажной медиапродукцией, консистенцию которой составила разрушительная для людского сознания «тройная уха» – чернуха, мокруха, порнуха. В итоге Россия перестала быть духовным полюсом мира, коим она значилась на земном шаре, как минимум, два столетия.

В истории нередко случаются парадоксы, которые опровергают аксиому о том, что настоящее человечества всегда лучше его прошлого, а будущее, в свою очередь, лучше настоящего. Полный отказ российской элиты в процессе реформ от социокультурных

доминант, обеспечивающих устойчивое самосохранение мегаобщности (хотя бы в прежде достигнутом статус-кво), привел к неожиданным для массы негативным последствиям. В проекте задумывался большой прогресс, а на деле вышел масштабный регресс: «Самое невероятное, хотя и очевидное, состоит в том, что ни по одному признаку и показателю общественно-политическая система, сложившаяся в современной России, не выглядит и не является более конкурентоспособной и эффективной, чем отринутая советская система, уклад и образ жизни. Ни по объему производства, ни по производительности труда, ни по уровню благосостояния большинства населения, ни по рождаемости и смертности, ни по здоровью и образованию» [5, с. 12].

Вероятно, симптоматическое явление радикального реформаторства и в пользу, и не в пользу большинства или меньшинства населения написано россиянам на роду: страну населяет уникальный в мировом кросскультурном измерении народ – биментальный, в котором в почти равных долях соседствуют на диффузионной основе европейское и азиатское начала, составляющие статично-динамичный евразийский симбиоз. И эта внутренняя борьба двух различных био-социо-психогенезов в Русском суперэтнотипе, как видно, имеет перманентное свойство то завершаться, то возобновляться в конкретно-исторических условиях...

В итоге, социальные качели приходят в движение с вполне определенной закономерностью: а) в одной эпохе с нерешенными в пользу отдельно взятой личности (меньшинства) материальными и духовными проблемами (противоречиями) начинает доминировать европейское начало, и россияне уходят в индивидуализм как принцип повседневной жизни и модус общественно-политического жизнеустройства; б) в другой эпохе с нерешенными в пользу коллектива (большинства) материальными и духовными проблемами (противоречиями) начинает доминировать азиатское начало, и россияне уходят в коммунитаризм как принцип повседневной жизни и модус общественно-политического жизнеустройства.

Так и качается на Руси из крайности в крайность социальный маятник «индивидуализм – коммунитаризм», ускоряемый или замедляемый различными сменяющимися друг друга властными элитами от царей, премьеров, генсеков, президентов. Если добавить к извечному поиску ментальной идентичности невиданную в мире по масштабам территорию (от холодных льдов до горячих песков), невиданную в природе разность земель (от дремучих лесов до топких болот), невиданную в климате полярность летне-зимних температур (от плюс 50-ти до минус 50-ти), то можно понять, почему в

России возможность стабильного жизнеустройства спорадически подвергается всевозможным испытаниям, продиктованным социальным соблазном радикального реформирования.

Пусковой механизм для транзита российского общества в иной, чем прежде, модус жизнеустройства (из капитализма в социализм – и наоборот) один-единственный: это укоренявшийся в бытии и сознании феномен социальной несправедливости, периодически набравшей «критическую массу» в народных настроениях, которая потом выливалась в очередной передел жизни на новых фундаментальных основаниях. Социальная несправедливость всегда была и будет самой неприемлемой для российского менталитета мегачертой общественного жизнеустройства, которая в разные эпохи находила различные формы социально-экономического выражения.

С одной стороны, в условиях коммунитаризма (социализма) социальная несправедливость как будто лишается своей базовой основы – частно-собственнической формы производства, обмена, распределения материальных и духовных благ в масштабах общества. Вместо стихийно действующих законов спроса, предложения, стоимости государство включает сознательно применяемые механизмы управления и регулирования всех сфер социального воспроизводства. И они обеспечивают большинству граждан примерно равные материальные и духовные условия существования (без риска оказаться за чертой бедности и пополнить люмпен-группы населения), где самыми ценными и доступными оказываются бесплатные (или почти!) образовательные, медицинские, культурные, жилищно-коммунальные услуги.

Однако в наступившем равенстве со временем наступает кризис развития, когда искусственно воспроизводимая и административно поддерживаемая социальная справедливость оборачивается иной стороной, становящейся превращенной ее формой, – уравниловкой. Особенно болезненной для тех слоев населения, которые по реальным доходам могут перейти от жизни среднего достатка к комфортным условиям повседневного бытия, но не в силах перешагнуть установленный сверху предел. Максимальной остроты эта несправедливость достигает при оплате малоквалифицированной ручной работы по более высоким расценкам, нежели высококвалифицированного интеллектуального труда. В результате число недовольных властью граждан из мало- и среднеобеспеченного сословия непрерывно растет, что приводит, в конце концов, к кардинальному изменению социального статус-кво с точностью до наоборот, как это случилось в социалистической России в 1991 году.

С другой стороны, в условиях индивидуализма (капитализма) имманентная ему социальная несправедливость проявляется в чистом виде, с ужасающими контрастами, когда один человек с трудом находит деньги на лекарство от гриппа, а другой в то же время себе на потеху строит личную подводную лодку и покупает зарубежный футбольный клуб: «Показатель, по которому лидирует Россия, – доля самых состоятельных 5% населения в личном богатстве страны – 82,5%. Остальные 95%, значит, имеют 17,5% – и, как говорится, ни в чем себе не отказывай. Еще убийственная цифра: 96 российских миллиардеров владеют 30% всех личных активов граждан. Средний мировой показатель – 2%, то есть российские миллиардеры в 15 раз круче, чем среднемировые. Согласно нашему Росстату, 22,7 млн. человек (15,7%) имеют доход ниже прожиточного минимума (который у нас, кстати, занижен), то есть являются нищими» [6].

В XX веке правящие и имущие элиты Западной Европы и Северной Америки, в отличие от российских визави, оказались прозорливыми. Уяснив после Октябрьской революции реальную опасность, исходившую от растущей в обществе социальной несправедливости, они приняли кардинальные меры для смягчения жестокостей капитализма и придали ему рядом мер, взятых напрокат у социализма, «человеческое лицо». Однако у капитализма, состоявшегося в сегодняшней России, лицо совсем другое – олигархическое, без сантиментов, когда о здоровье, образовании, культуре народа сверхбогатые граждане не думают и даже не желают налог на сверхприбыли платить больше 13 процентов, как платят за границей, а власть с ними ничего поделаться не может с риском получить в стране повторение Октября 1917-го...

Манкировать в России архетипическим принципом социальной справедливости – значит, подвергать общество масштабному риску революционного катаклизма. Тридцать лет тому назад на волне эйфории, связанной с началом демократических реформ в России, многим людям, даже экспертам, казалось, что для успешного управления страной достаточно поменять в составе высшего и среднего руководства коммунистов на либералов, как все сразу наладится и в политике, и в экономике, и в культуре. А новые управленцы, убежденные в необходимости рыночных перемен, занявшие государственные должности, сумеют повести страну по новому пути к светлому будущему европейского образца, где каждый россиянин, независимо от социально-ролевого статуса, будет жить, как в Швейцарии, и иметь в собственности красивую виллу с лужайкой и бассейном...

Эта сказка не имела шансов стать былью: выросший на одной национальной почве образ жизни не может в полном подобии культивироваться на другой национальной почве.

Он обязательно столкнется с мощным сопротивлением иной социокультурной среды. Тем более, что за этот проект – переделки россиян в англосаксов – взялись управленцы-либералы, увидевшие в европеизме и американизме идеально образцовый миропорядок, воцарению которого в нашей стране мешал «совковый» ментальный традиционализм, подлежащий уничтожению: «Опыт России показывает – ни один противник не может принести столько вреда собственной стране, как ее властные элиты, испытывающие к ней страх и ненависть. Целенаправленная эксплуатация этих фобий – главная находка нашего противника в «холодной войне» и главная причина российских катастроф» [3, с. 253].

Действительно, на полном отрицании прошлого государственно-строительного опыта (больше того – страха и ненависти к нему со стороны элиты) новой успешной системы управления обществом построить в принципе нельзя. Да и вызвать при этом у народа состояние творчески созидательной пассионарности, необходимой для «рывка вперед», также невозможно. Увы, использованный властью в ходе реформ закон отрицания отрицания для самосохранения и развития общества сработал лишь частично: вместо тезиса (социализм – с одними доминантами) появился антитезис (капитализм – с другими доминантами), но синтеза (конвергенция – со смешанными доминантами), в отличие от китайского проекта модернизации, в России не произошло...

Библиографический список:

1. Кара-Мурза С.Г. Столыпин – отец русской революции. М.: Алгоритм, 2002. 256 с.
2. Катков М.Н. Передовицы «Московских ведомостей» // Политическая мысль России. От истоков до февраля 1917 года: антология. М.: Гардарики, 2008. 815 с.
3. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Изд-во «Алгоритм», 2006. 352 с.
4. Проханов А.А. Глубинный Сталин // Завтра. 2019. № 9 (1316).
5. Толстых В.И. Российский выбор: В контексте реальной истории. М.: РОССПЭН, 2009. 173 с.
6. Фурсов А. Воля побеждать // Завтра. – 2018. № 1 (1257).
7. Шамбаров В.Е. Антисоветчина, или Оборотни в Кремле. М.: Изд-во «Алгоритм», 2014. 592 с.
8. Lasswell H. The Uses of Content Analysis Data in Studying Social Change // Science and Culture. 1967. № 4. Pp. 34-41.
9. Martin W.J. The information Society. L.: Aslib, 1988. 174 p.
10. Jaspers K. Die Ideeder Universitat. Berlin, Heidelberg; New York: Springer, 1980. 132 p.

Kirichek P.N. Socio-Cultural Dominants And Ontological Risks Of Transitive Society

The article presents interrelation of ontological risks of a transitive (transitional) society and socio-cultural dominants of mental significance. The cause-and-effect conditionality of social mega-targets such as self-preservation and development is revealed in socio-cultural statics and dynamics. The conditional proportions of archaic and innovation in the spheres of labor, life, leisure of individuals and groups are defined as the socio-cultural basis of the stability of a transitive society.

Keywords: transitive society, socio-cultural dominants, ontological risks, socio-cultural archaic, socio-cultural innovation, stability of society

УДК 316.3

М.А. Козлова, Н.Д. Воронина

**Многообразие форм социальной сплоченности в российском обществе:
опыт применения квалиметрического подхода**

Аннотация:

В статье представлены результаты квалиметрического исследования многообразия форм социальной сплоченности, выборка которого включала три типа сообществ: жители села, жители поселений родовых поместий (ПРП) и профессиональное сообщество (N=300). После описания “портретов” сплоченности в этих сообществах, представлены паттерны сплочения, выявленные с использованием латентно-классового анализа, оценка активистского потенциала социальной интеграции и возможные сценарии взаимодействия указанных сообществ с обществом в целом.

Ключевые слова: социальная сплоченность, квалиметрический анализ, паттерны сплочения, мораль социальной справедливости, мораль социального порядка

Об авторах: Козлова Мария Андреевна, кандидат исторических наук, НИУ ВШЭ, академический руководитель магистерской программы «Социология публичной и деловой сферы»; эл. почта: makozlova@yandex.ru

Воронина Наталия Дмитриевна, НИУ ВШЭ, преподаватель департамента социологии, аналитик Института социальной политики; эл. почта: nvoronina@hse.ru

В статье представлены результаты исследования, сфокусированного на попытке «поймать» с помощью количественных методов качественное многообразие форм социального сплочения, выявив тем самым роль ценностных и моральных систем в сплочении общества и локальные смысловые наполнения социальной сплоченности. В рамках реализованного проекта осуществлено построение на основе интеграции положений наиболее влиятельных теорий группоориентированной морали [2; 3; 4; 5; 6] теоретической модели, включающей параметры и индикаторы для типологизации форм сплоченности; верификация сконструированной теоретической модели в исследовании с использованием качественных методов (серия глубинных интервью в обоснованно

контрастных группах); дальнейшее уточнение модели и конструирование на ее основе стандартизированного опросника².

Организация исследования

Основное исследование проведено в июле 2017 года. В выборку включены три типа сообществ: сельское поселение (N=100), поселение родовых поместий (ПРП) (N=100), профессиональное сообщество (врачи) (N=100). Социально-демографические характеристики выборки представлены в таблице 1.

Таблица 1. Социально-демографические характеристики групп (в % от числа опрошенных в каждом сообществе)

	Пол			Возраст						
	Муж	Жен	Нет ответа	18-26	27-40	41-50	51-60	61-70	> 70	Нет ответа
ПРП	50	50	-	8	41	33	12	4	-	2
Село	37	62	1	11	38	21	25	3	1	1
Врачи	16	83	1	1	29	29	25	11	2	3

«Портреты» социальной сплоченности сообществ мезоуровня

Опишем «портреты» сплоченности рассматриваемых сообществ (значения основных показателей сплоченности для каждой из трех групп представлены в Приложении 1). Прежде всего отметим, что между двумя группами – жителями сел и ПРП – нет значимых различий по интегральному показателю сплоченности, их можно считать очень высоко сплоченными; сплоченность профессионального сообщества статистически ниже, однако тоже остается в рамках высокого уровня сплоченности.

Различия между сообществами касаются качественных характеристик сплоченности. В случае, если сообщество чувствует угрозу, и на первый план выходят ценности безопасности и стабильности³, оно сплачивается для противостояния реальному или воображаемому врагу – гомогенность группы растет, что достигается посредством усиления внутригруппового контроля, в том числе и над частной жизнью входящих в группу индивидов, и возрастающей непроницаемости групповых границ. Таким образом

² Подробно о реализации основных этапов исследования, текст опросника, данные пилотажного исследования и методические рекомендации по применению опросника и математической обработке полученных с его использованием результатов см. [1]

³ Использован теоретико-методологический подход и формулировки Портретного опросника ценностей Ш. Шварца [8].

закрывшись, группа минимизирует свои контакты с «внешним миром», а внутригрупповые правила и нормы могут вступать в противоречие с надгрупповыми. Такой вариант сплочения мы фиксируем в сообществах жителей сел и ПРП. Причем для последних он характерен в большей степени: здесь группа стремится к тотальному контролю над установками, верованиями и поведением индивидов, что позволяет охарактеризовать этот тип сплочения как основанный на морали социального порядка⁴, вертикально-ориентированный тип. Сообщество жителей села ориентировано на ограничение контроля группы над индивидами решением вопросов, затрагивающих общие интересы, потому этот тип сплочения мы обозначаем как основанный на морали социального порядка, горизонтально-ориентированный. Профессиональное сообщество – врачи – в большей степени ориентировано на ценности универсализма и благожелательности; группа демонстрирует открытость и гетерогенность, ограничивает действие группового контроля непосредственно сферой профессиональной деятельности, в большей степени склонна ориентироваться на надгрупповые нормы и вовлечена в надгрупповую социальную активность. Подобный тип сплочения мы характеризуем как основанный на морали социальной справедливости.

Однако лишь следующий шаг, обнаруживший латентную структуру представлений и поведенческих практик, позволил сделать выводы о механизмах и перспективах развития сплоченности сообществ.

Типы социальной сплоченности в сообществах мезоуровня

Проведенный латентно-классовый анализ (ЛКА), позволил выделить типы (классы) объектов, характеризующиеся сходными наборами значений наблюдаемых переменных, и, таким образом - определить, какие типы характеризуют сплоченность рассматриваемых сообществ (Приложение 2).

Для индивидов, включенных в первый кластер, характерны низкие оценки интенсивности социальных связей в группе и субъективной частоты неформальных контактов. Люди не видят преимуществ от членства в группе. Для всех включенных в данный кластер индивидов характерны крайне низкие значения ценностей блока Самоутверждение и нехарактерно отстаивание личных интересов в конфликтной ситуации. Таким образом, данный кластер характеризуется низкой сплоченностью и общей

⁴ Подробно о концептах морали социального порядка и социальной справедливости – см. [6].

пассивностью, что позволяет обозначить разделяемый вошедшими в него индивидами тип как «Разобщенность».

Для составивших второй кластер индивидов характерны высокая оценка частоты неформальных контактов, готовность оказать поддержку члену группы большой суммой или помочь делом и уверенность в получении такой поддержки от других, что свидетельствует о тесноте межличностных связей и высокой сплоченности. Важная отличительная черта – включенность в деятельность, связанную с общественной и локальной активностью. Данный тип отличается относительно высоким уровнем генерализованного доверия, что, однако, не способствует большей открытости группы. Также для данного типа характерны готовность поддерживать групповые традиции и не нарушать правила и представление о допустимости группового давления с целью соблюдения индивидом групповых правил, контроля над частными сферами жизни входящих в группу индивидов. Приоритетные позиции отданы ценностям блоков Самопреодоление и Сохранение. Этот тип, таким образом, объединяет характеристики сплоченности на основе морали социального порядка (сохранение целостности группы как цель и гомогенность как следствие тотального контроля и непроницаемых границ) с характеристиками сплоченности на основе морали социальной справедливости (ориентация на публичную активность и отстаивание интересов группы во взаимодействии с сообществом более высокого уровня). Ориентация индивидов на непосредственные межличностные связи говорит о том, что группа видится индивидам как сообщество примордиального плана, основанное на первичных связях людей, обладающих четко определенными признаками группового членства. При этом сообщество ищет и апробирует пути и инструменты самопрезентации в публичном пространстве. Иными словами, сообщество, представляющее себя как единое целое, осознает необходимость выстраивания диалога с большинством, используя конвенциональные инструменты взаимодействия. Тем не менее, при сохранении прежних целевых и ценностных ориентаций, сообщество, скорее, будет ориентировано на демонстрацию претензии на доминирование, нежели на взаимовыгодный диалог, предполагающий увеличение проницаемости групповых границ и снижение тотальности группового контроля. Этот тип обозначен нами как «Традиционалистский активизм».

Для индивидов, попавших в третий кластер, характерен крайне низкий уровень генерализованного доверия в сочетании с солидарностью во мнениях и совместных действиях, высокой оценкой интенсивности социальных связей в группе, позитивной

оценкой преимуществ членства в группе, готовностью оказать крупную материальную поддержку и помощь делом и ожидание такой же поддержки от других членов группы. При абсолютной неготовности принять в группу лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией, наблюдается относительно высокая готовность принять в группу лиц с зависимостями и лиц, отбывавших заключение в местах лишения свободы. В этом типе сплоченности распространено личное проявление своей позиции: участие в выборах, высказывание мнения в Интернете, на собраниях, в госучреждениях и других инстанциях, а также убежденность в необходимости поддержания групповых традиций и правил и установка на допустимость группового давления с целью соблюдения индивидом этих правил. Приоритет отводится ценностям блока Самоутверждение. Таким образом, паттерн сплочения, демонстрируемый индивидами, объединенными в третий кластер, во многом соответствует теоретическому типу сплоченности на основе морали социальной справедливости: группа объединена не столько на основе непосредственных связей, сколько на базе единства мнений и ценностей, которые включают рост благополучия группы в целом и входящих в группу индивидов. Как следствие – рост проницаемости групповых границ и гетерогенности и ограничение группового контроля сферой взаимодействия без проникновения в частную жизнь членов группы. Однако для полного соответствия «идеальному типу» сплоченности на основе морали социальной справедливости этому паттерну не хватает овладения механизмами публичной презентации собственной позиции/позиций по проблемам, значимым для членов группы и сообщества макроуровня – включенность в деятельность, связанную с общественной и локальной активностью, в данном случае невысока и явно уступает индивидуальным формам активности. Однако индивидуальный активизм присутствует, и более того – носит относительно массовый характер. Это дает основание обозначить комплекс установок и поведенческих паттернов сплоченности, характеризующий вошедших в третий кластер индивидов, как «Агрегированная справедливость».

Четвертый кластер отличается высокой открытостью: среди всех выделенных кластеров у вошедших в него индивидов самая высокая готовность принять в группу лиц с зависимостями, отбывавших наказание в местах лишения свободы, а также лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Контроль над частными сферами жизни признается недопустимым. При этом членство в группе имеет позитивную оценку. Индивиды, включенные в четвертый кластер, таким образом, отличаются наиболее либеральными взглядами на смысл и суть группового единения. Это, с одной стороны,

выливается в установку на формирование благоприятного психологического климата в сообществе, с другой – затрудняет «диагностику» активистского потенциала сообщества и прогнозирование «интенсивности» его развития. Впрочем, относительно «вектора» развития вероятностный прогноз возможен: открытость сообщества сама по себе достаточно мощный признак, свидетельствующий о сплоченности на основе морали социальной справедливости, поскольку, являясь непосредственным следствием преобладания мотивации достижения над мотивацией избегания, говорит о значимости роста благополучия группы в целом и входящих в нее индивидов. Этот кластер обозначен как «Либерализм».

В таблице 2 представлены выделенные типы сплоченности и их распространенность в целом среди всех опрошенных.

Таблица 2. Полученные кластеры - Типы сплоченности

Кластер - Тип сплоченности	N	%
Разобщенность	111	37,0
Традиционалистский активизм	98	32,7
Агрегированная справедливость	48	16,0
Либерализм	43	14,3
Итого	300	100

От латентных структур к видимым сообществам

Соотнесем описанные кластеры-типы социальной сплоченности с составом рассматриваемых групп. Попытаемся определить, в какой мере тот или иной комплекс установок и практик характерен для жителей села, ПРП и представителей профессионального медицинского сообщества.

Проведенный анализ выявил выраженную связь (критерий хи-квадрат($d.f=6$) = 299.825, $p<0.0001$) между кластерами, выделенными на основе комплекса установок и паттернов сплочения, и принадлежностью респондентов к тому или иному сообществу – см. табл. 3. Почти половина (47%) опрошенных жителей села попала в третий кластер, еще 47% в равных долях распределились между первым и четвертым. Подавляющее большинство (87%) жителей ПРП вошли во второй кластер. 75% опрошенных врачей вошли в первый, 20% – в четвертый кластер. Таким образом, тип «Разобщенность» характерен для подавляющего большинства представителей профессионального медицинского сообщества, «Традиционалистский активизм» – для жителей ПРП, «Агрегированная справедливость» – для жителей сел.

Таблица 3. Типы сплоченности. % от группы

	Разобщенность	Традиционалистский активизм	Агрегированная справедливость	Либерализм	Итого
Село	27	6	47	20	100
ПРП	9	87	0	4	100
Врачи	75	5	1	19	100

На первый взгляд, указанное соответствие противоречит «портретам» социальной сплоченности представителей обследованных контрастных групп.

Описывая «портрет» сплоченности через сочетание разных показателей, мы утверждали, что профессиональное сообщество врачей открыто и гетерогенно, склонно ориентироваться на надгрупповые нормы и вовлечено в надгрупповую социальную активность, в целом относя его к типу сплоченности на основе морали социальной справедливости, которая, хотя и обеспечивает более низкий уровень внутригрупповой сплоченности, представляется потенциальной основой сплочения на социетальном уровне. Однако проведенный латентно-классовый анализ свидетельствует о том, что подавляющее большинство врачей, если и представляет собственную «миссию» как заботу о благополучии окружающих, не видит инструментальной функции социальной (профессиональной) сплоченности. Демонстрируя на индивидуальном уровне приоритет ценностей самореализации и благополучия своего и окружающих, так же, как и толерантность и социальный активизм, врачи не чувствуют «субъектности» сообщества - его способности к консолидированным действиям, публичному выражению потребностей и отстаиванию собственных прав и интересов. Вероятно, это ощущение социальной изолированности, отсутствия поддержки со стороны сообщества и актуализирует выявленный с помощью латентно-классового анализа паттерн разобщенности. Однако проведенный анализ позволяет говорить и о том, что пятая часть (20%) опрошенных врачей видит, осознает и демонстрирует готовность реализовать потенциал профессионального сообщества в формировании и развитии сплоченности на социетальном уровне.

В целом сходную ситуацию мы фиксируем в сельских сообществах. При том, что на индивидуальном уровне жители российских сел демонстрируют осознанность собственных потребностей и целей, сообщество они не воспринимают как способное к консолидированным действиям, приоритет морали социальной справедливости представляется здесь как механическая сумма индивидуальных ценностей и нравственных ориентаций, в которой отсутствует «системное качество», способное актуализировать

коллективное действие – это, если воспользоваться метафорой К. Маркса, «класс в себе». Действие комплекса социально-культурных факторов, вызванных распространением культурных ориентиров общества потребления, социальной изоляцией села, формированием «обученной беспомощности» и посттравматической «этики праздности» [7], вероятно, становится барьером к включению активизма в структуру представлений крестьян о сущности и смысле социальной сплоченности. Сообщество для крестьян, как и для врачей, становится ресурсом адаптации и социальной поддержки дефицитного уровня, но не овладев инструментарием публичной активности, заключенный в них интегративный потенциал эти сообщества реализовать не в состоянии.

В сообществе жителей ПРП мы описали ранее тип сплоченности, основанный на морали социального порядка – группа, в иерархии ценностных ориентаций которой лидируют безопасность и стабильность, характеризуется высокой гомогенностью, тотальностью внутригруппового контроля и низкой проницаемостью групповых границ. Идеологически закрепляется и воспроизводится на уровне повседневных практик образ группы как общности «крови и почвы» – объективно существующей целостности, основанной на четко обозначенных критериях групповой принадлежности и дифференциации от «чужаков», отношение к которым характеризуется как нетерпимое и пренебрежительное. Результаты ЛКА сделанным выводам не противоречат, однако демонстрируют в типичном для жителей ПРП комплексе представлений и практик выраженный активистский компонент – потенциальную готовность и актуальную вовлеченность в широкий спектр публичных форм активности в сочетании с лояльностью к ингруппе и интенсивностью межличностных контактов в ней. Устойчивые, или представляемые таковыми через апелляцию к многовековому опыту предков, и высоко сплоченные группы становятся силой, способной как влиять на частную жизнь индивида, задавая диапазон жизненных стилей и стратегий, так и мобилизовать индивидов на совершение активных действий в пользу группы. Однако конструктивный характер групповая сплоченность приобретает только в случае соответствия ценностно и морально обусловленных групповых норм универсальным, абстрактным, надгрупповым правилам, разделяемым всеми социальными субъектами. В отношении сообщества жителей ПРП речь может идти, скорее, о попытке представить собственный тип сплоченности как эталонный и видении собственной миссии как распространения типа сплоченности на основе морали социального порядка на социетальном уровне.

Таким образом, проведенный анализ позволил уточнить сделанные ранее заключения о типах и перспективах развития социальной сплоченности в сообществах разных типов. Продемонстрирован недискретный характер изменения качественного своеобразия сплоченности: описанные в разных сообществах формы располагаются в рамках континуума, образованного полярными «идеальными типами» – сплоченностью на основе морали социального порядка и морали социальной справедливости. Во всех рассмотренных сообществах описаны возможные векторы движения в рамках указанного континуума и потенциальные сценарии взаимодействия с обществом более высокого уровня.

Библиографический список:

1. Воронина Н.Д., Козлова М.А. Квалиметрическое исследование сплоченности локальных сообществ: методические рекомендации и эмпирический опыт. М.: Литературное агентство «Университетская книга», 2018.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
3. Blasi A. Moral Cognition and Moral Action: A Theoretical Perspective // *Developmental Review*. 1983. № 3. Pp.178–210.
4. Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S., Ditto P. Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism // *Advances in Experimental Social Psychology*, Forthcoming, 2012.
5. Haidt J. Morality // *Perspectives on Psychological Sciences*. 2008. Vol. 3. № 1. Pp. 65–72.
6. Janoff-Bulman R., Carnes N. Surveying the moral landscape: moral motives and group-based moralities // *Personality and Social Psychology Review*. 2013. Vol. 17. № 3. Pp. 219-236.
7. Kozlova M.A., Simonova O.A. Identity and Work Ethic of Peasants in the Context of the Post-Soviet Socio-economic Transformation, in: *Changing Values and Identities in Post-Communist World* / Ed. By N. Lebedeva, R. Dimitrova, J.W. Berry. Springer, 2018. Ch. 23. Pp. 405-419.
8. Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Konty M. Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103. № 4. Pp. 663-688.

Приложение 1.

**Основные показатели сплоченности
(в процентах от числа опрошенных в каждом сообществе)**

Показатель сплоченности	ПРП	Село	Врачи	
<i>Общая оценка респондентами интенсивности социальных связей в группе</i>				
Высокая	72	82	52	
Низкая	4	4	19	
<i>Субъективная оценка частоты неформальных контактов</i>				
Высокая	99	68	64	
Низкая	1	32	35	
<i>Качество, интенсивность и реципрокность социальной поддержки и сотрудничества</i>				
<i>Готовность оказать поддержку члену группы</i>				
Сочувствие	100	99	99	
Совет	100	99	99	
Материальная помощь (незначительной суммой)	96	68	81	
Материальная помощь (значительной суммой)	62	35	38	
Помощь делом	98	93	80	
<i>Ожидание поддержки от членов группы</i>				
Сочувствие	100	97	100	
Совет	100	98	97	
Материальная помощь (незначительной суммой)	96	64	82	
Материальная помощь (значительной суммой)	58	39	31	
Помощь делом	99	90	62	
<i>Ценностные ориентации (приведены центрированные средние значения приоритетности ценностей, объединенных в укрупненные блоки)</i>				
Сохранение	,2244	-,3357	,5253	
Открытость изменениям	-,9306	-,2357	-1,0647	
Самоутверждение	-,0885	,0631	-,7126	
Самопреодоление	,7102	,3395	1,0188	
<i>Самоидентификация с группой</i>				
Определенность	90	94	84	
Позитивная валентность	99	90	84	
Позитивная оценка преимуществ членства в группе	11	75	46	
<i>Субъективная оценка открытости и гетерогенности группы</i>				
Готовность принять в группу				
Человека иного социального положения	98	82	83	
Представителя нетрадиционной сексуальной ориентации	7	4	62	
Носителя иных политических взглядах	80	69	69	
Иного вероисповедания	80	84	81	
Мигранта из другого города	100	91	91	
Мигранта из другой страны	93	85	89	
Имеющего зависимость	2	31	24	
Отбывавшего наказание в местах лишения свободы	6	28	31	
Человек с ограниченными возможностями здоровья	78	93	78	
<i>Гомогенность группы, определенность групповых границ</i>				
Субъективная оценка группы как гомогенной				
Оценка гомогенности группы по социальным критериям	Уровень образования	70	27	64
	Уровень доходов	11	32	39
	Политические предпочтения	84	43	42

	Религиозность	64	95	52
	Вероисповедание	51	91	43
<i>Оценка масштабов допустимого группового контроля</i>				
Допустимость контроля над частными сферами жизни		82	34	35
Допустимость группового давления с целью соблюдения индивидом групповых правил		98	91	73
Оценка готовности членов группы поддерживать групповые традиции		96	97	78
Оценка готовности членов группы не нарушать правила		92	88	70
<i>Оценка респондентами готовности группы объединяться для решения общественных проблем</i>				
Солидарность во мнениях и совместные действия		48	75	31
Солидарность во мнениях, отсутствие совместных действий		42	17	46
Отсутствие солидарности во мнениях		10	4	17
Отсутствие интереса к общественным проблемам		0	4	6
<i>Установки на поддержку интересов ингруппы/ более широкой общности при конфликте их интересов</i>				
Поддержка ингруппы		9	12	26
Поддержка более крупной общности		1	5	5
Отстаивание личных интересов		9	34	20
Ориентация на «справедливость»		51	39	21
Ориентация на закон		30	10	18
<i>Доверие</i>				
Генерализованное доверие		47	21	33
Ингрупповое доверие		100	96	88

Приложение 2.

**Результаты латентно-классового анализа (ЛКА)
представлений и поведенческих паттернов сплочения.
Выделение типов социальной сплоченности**

Таблица 2.1. Показатели качества модели ЛКА

Показатель	Значение (для выбранной модели)
Доля ошибочно классифицированных объектов (Classification errors)	0,0391
Псевдо R-квадрат (Standard R-squared)	0,9167

Таблица 2.2. Таблица классификации

Предсказанные моделью	Фактические				
	Разобщенность	Традиционалистский активизм	Агрегированная справедливость	Либерализм	Всего
Разобщенность	106,4833	3,5609	0,8116	0,0415	110,8972
Традиционалистский активизм	2,7819	93,8078	0,4609	0,0699	97,1206
Агрегированная справедливость	1,3871	0,4143	45,5817	0,4920	47,8751
Либерализм	0,3478	0,2170	1,1458	42,3966	44,1071
Всего	111,0	98,0	48,0	43,0	300,0

Таблица 2.3 Вероятностные профили полученных типов сплоченности

	Разобщенность	Традиционалистский активизм	Агрегированная справедливость	Либерализм
Размер класса	0,3693	0,3235	0,1599	0,1474
Наблюдаемые переменные				
Выбор в ситуации противоречия интересов ингруппы и более широкого сообщества – отстаивание личных интересов				
0	0,9992	0,9598	0,7216	0,0128
1	0,0008	0,0402	0,2784	0,9872
Mean	0,0008	0,0402	0,2784	0,9872
Выбор в ситуации противоречия интересов ингруппы и более широкого сообщества – отстаивание интересов правой стороны				
0	0,6218	0,5488	0,4325	0,9979
1	0,3782	0,4512	0,5675	0,0021
Mean	0,3782	0,4512	0,5675	0,0021
Выбор в ситуации противоречия интересов ингруппы и более широкого сообщества - руководство законом				

0	0,7656	0,7226	0,9986	0,9990
1	0,2344	0,2774	0,0014	0,0010
Mean	0,2344	0,2774	0,0014	0,0010
Социальное участие – общественная активность				
0	0,6594	0,0794	0,5391	0,4161
1	0,3406	0,9206	0,4609	0,5839
Mean	0,3406	0,9206	0,4609	0,5839
Социальное участие – локальная активность				
0	0,5944	0,0475	0,6104	0,6166
1	0,4056	0,9525	0,3896	0,3834
Mean	0,4056	0,9525	0,3896	0,3834
Социальное участие – электоральная активность				
0	0,6958	0,9051	0,3222	0,6251
1	0,3042	0,0949	0,6778	0,3749
Mean	0,3042	0,0949	0,6778	0,3749
Генерализованное доверие				
0	0,6782	0,5270	0,9318	0,7018
1	0,3218	0,4730	0,0682	0,2982
Mean	0,3218	0,4730	0,0682	0,2982
Частота неформальных контактов				
0	0,3955	0,0066	0,2045	0,3332
1	0,6045	0,9934	0,7955	0,6668
Mean	0,6045	0,9934	0,7955	0,6668
Общая оценка сплоченности				
0	0,4720	0,2404	0,1108	0,3182
1	0,5280	0,7596	0,8892	0,6818
Mean	0,5280	0,7596	0,8892	0,6818
Готовность к объединению для решения общих проблем				
0	0,5947	0,5597	0,1002	0,5654
1	0,4053	0,4403	0,8998	0,4346
Mean	0,4053	0,4403	0,8998	0,4346
Готовность оказать помощь				
0	0,2605	0,0003	0,0007	0,2052
1	0,7395	0,9997	0,9993	0,7948
Mean	0,7395	0,9997	0,9993	0,7948
Уверенность в получении помощи				
0	0,4137	0,0006	0,0209	0,3643
1	0,5863	0,9994	0,9791	0,6357
Mean	0,5863	0,9994	0,9791	0,6357
Готовность принять нового члена – представителя ЛГБТ				
0	0,6516	0,9458	0,9987	0,5458
1	0,3484	0,0542	0,0013	0,4542

Mean	0,3484	0,0542	0,0013	0,4542
Готовность принять нового члена – имеющего зависимость				
0	0,7890	0,9982	0,6815	0,6795
1	0,2110	0,0018	0,3185	0,3205
Mean	0,2110	0,0018	0,3185	0,3205
Готовность принять нового члена – отбывавшего наказание в МЛС				
0	0,7500	0,9796	0,7488	0,4961
1	0,2500	0,0204	0,2512	0,5039
Mean	0,2500	0,0204	0,2512	0,5039
Мотивационная сплоченность				
0	0,6052	0,8474	0,0734	0,3664
1	0,3948	0,1526	0,9266	0,6336
Mean	0,3948	0,1526	0,9266	0,6336
Степень группового влияния – соблюдение правил и традиций				
0	0,2222	0,0335	0,0212	0,2739
1	0,7778	0,9665	0,9788	0,7261
Mean	0,7778	0,9665	0,9788	0,7261
Степень группового влияния – требование соблюдать правила и традиции				
0	0,3691	0,0039	0,0559	0,3855
1	0,6309	0,9961	0,9441	0,6145
Mean	0,6309	0,9961	0,9441	0,6145
Степень группового влияния – вмешательство в личную жизнь				
0	0,6502	0,2395	0,6453	0,8545
1	0,3498	0,7605	0,3547	0,1455
Mean	0,3498	0,7605	0,3547	0,1455
Общая оценка гомогенности группы				
0	0,6359	0,3249	0,8896	0,5057
1	0,3641	0,6751	0,1104	0,4943
Mean	0,3641	0,6751	0,1104	0,4943
Сохранение				
0	0,4897	0,5360	0,9964	0,5644
1	0,5103	0,4640	0,0036	0,4356
Mean	0,5103	0,4640	0,0036	0,4356
Открытость изменениям				
0	0,7947	0,8684	0,4653	0,8002
1	0,2053	0,1316	0,5347	0,1998
Mean	0,2053	0,1316	0,5347	0,1998
Самоутверждение				
0	0,8530	0,8145	0,1709	0,7073
1	0,1470	0,1855	0,8291	0,2927
Mean	0,1470	0,1855	0,8291	0,2927

Самопреодоление				
0	0,3388	0,4017	0,9279	0,3838
1	0,6612	0,5983	0,0721	0,6162
Mean	0,6612	0,5983	0,0721	0,6162

Kozlova M., Voronina N. **A variety of the types of social cohesion under the conditions of Russian society: the experience of application of the qualimetric approach**

We present the results of the project aimed at a qualimetry of the variety of forms of social cohesion in contemporary Russian society. First, the main steps undertaken for the formation of the tools of the qualimetric research to social cohesion are mentioned. Then we represent the results of the main study (N=300), a sample of which included three types of communities: rural population, population of the eco-villages and the professional community (medical professionals) and describe the “portraits” of social cohesion in these communities. The latent class analysis (LCA) helped us to highlight the types (classes) of objects, characterized by similar sets of observable variables: "Alienation", "Traditionalist activism", "Aggregate justice", "Liberalism". The first type - "Alienation" - is peculiar for the majority of the professional medical community, "Traditionalist activism" – for inhabitants of eco-settlements, "Aggregate justice" - for peasants.

Thus, our research allowed clarifying the characteristics and the development prospects of social cohesion in societies of different types. We demonstrated the non-discrete nature of changes in the quality of cohesion, located within the continuum formed by polar "ideal types" – a unity based on the morality of social order and on the morality of social justice. In all the studied communities we described the possible motion vectors within this continuum and the potential scenarios of their interaction with society on the whole.

Keywords: social cohesion, qualimetric analysis, patterns of cohesion, morality of social justice, morality of social order

УДК 303.4.025; 316.346.32-053.6; 323.28

Т.В. Балужева

**Отношение молодежи к терроризму и экстремизму:
опыт социологического исследования**

Аннотация:

Понимание особенностей представлений современной молодежи о терроризме и экстремизме – необходимое условие эффективной профилактики вовлечения молодых людей в деятельность террористических и экстремистских организаций.

Социологическое исследование, включающее комплекс методов сбора и анализа данных, способно выявить как основные тренды, так и важные детали отношения молодежи к терроризму и экстремизму; его результаты могут быть использованы в качестве базы для разработки профилактических мер.

Ключевые слова: молодежь, экстремизм, терроризм, методы социологического исследования

Об авторе: Балужева Татьяна Витальевна, Государственный университет «Дубна», старший преподаватель кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: igel22@mail.ru

Проблема безопасности населения приобретает в последнее время все большую остроту, захватывая все новые сферы жизни общества и новые его слои. Особенно беспокоит в этом плане состояние молодежи. Политические и социально-экономические события последних десятилетий обусловили разрушение сложившейся инфраструктуры образования, национального воспитания, что, в свою очередь, облегчает вовлечение молодежи в межнациональные конфликты, террористические и экстремистские организации. Под влиянием целого комплекса факторов в молодежной среде формируются радикальные взгляды и убеждения. Молодые граждане пополняют ряды экстремистских и террористических организаций, активно использующих российскую молодежь в своих политических интересах. В последние годы отмечается активизация ряда экстремистских движений, которые вовлекают в свою деятельность молодых людей.

Образование в Российской Федерации в последние годы становится все более и более поликультурно насыщенным. При этом одной из основных задач образования как социального института направленной трансляции ценностей гражданского общества в молодежную среду является развитие каждого молодого человека не только как высококвалифицированного профессионала, но и как гражданина, чувствующего свою ответственность за судьбы России. Именно это является императивом современного образовательного сообщества страны и приоритетом национальной молодежной политики, одним из направлений которой является противодействие молодежному экстремизму и террористическим взглядам.

Методологические аспекты исследования

Социологическое исследование отношения молодежи Подмосковья к феноменам экстремизма и терроризма проводилось в два этапа.

В мае 2018 года Центром социальных исследований «Дубна» был осуществлен массовый анкетный опрос учащихся профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования Московской области (60 образовательных организаций, расположенных в 45 населенных пунктах). Выборка исследования двухэтапная; на первом этапе тип выборки – квотная (объем квот определяется исходя из общего числа обучающихся в образовательной организации), на втором этапе тип выборки – стихийная. Выборочная совокупность составила 11 108 человек, средняя ошибка выборки составила 8,98%.

В октябре 2018 года в государственном университете «Дубна» было проведено фокус-групповое исследование. Сотрудниками ЦСИ «Дубна» и студентами кафедры социологии и гуманитарных наук были организованы две фокус-группы, в которых приняли участие 17 студентов 1-3 курсов, представляющих все четыре факультета университета «Дубна».

Основные содержательные маркеры представлений современной молодежи о терроризме и экстремизме были представлены на рис.1.

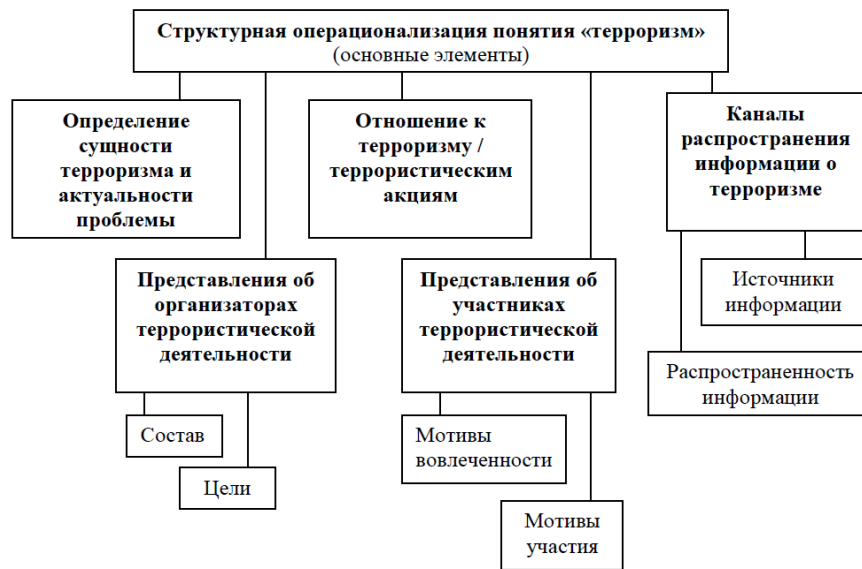

Рис.1. Структурная операционализация понятия «терроризм»

Использование совокупности количественных и качественных методов сбора и анализа данных дает исследователям возможность глубоко проанализировать разнообразные аспекты, определяющие отношение современной молодежи к терроризму и экстремизму. Анкетный опрос позволил выявить основные тенденции и факторы, определяющие характер отношения к терроризму и экстремизму, а также очертить социально-демографические «группы риска» внутри подмосковной молодежи. Фокус-групповое исследование студентов университета «Дубна» обогатило данные опроса множеством интересных деталей, как подтверждающих, так и – в некоторых моментах – опровергающих результаты основного исследования.

Содержательные аспекты исследования

Как было отмечено выше, позиции современной подмосковной молодежи, выявленные в результате массового опроса и групповых интервью, совпадают не во всем. При этом, с точки зрения исследователя, интерес представляют, как маркеры, представления о которых практически идентичны независимо от метода исследования, так и аспекты, собравшие максимально разнообразные оценки. Обратимся к наиболее существенным из них.

Актуальность и содержательное наполнение

По данным опроса, большинство учащихся образовательных организаций Московской области (75% опрошенных) называют проблему терроризма в современной

России актуальной, относятся к любым проявлениям терроризма и экстремизма отрицательно (88,5%), независимо от региона, в котором осуществляется террористическая деятельность.

Высокая степень актуальности проблемы была артикулирована и участниками фокус-групп: *«Конечно. Это случается чуть ли не каждый день»* (ИСАУ, 2 курс), *«это может коснуться фактически [каждого]»* (ИСАУ, 1 курс), *«эта проблема актуальна не только для современной России, но и по всему миру»* (ФЕИН, 2 курс). Однако высказывалась и противоположная точка зрения: *«это проблема не такая уж и актуальная, [я считаю] что мы не так сильно уж подвержены сейчас терроризму»* (ФЕИН, 3 курс), *«терроризм актуален, но не до такой степени, чтобы это было везде и повсюду»* (ФСГН, 2 курс). Участники интервью отмечали, что в вопросе об актуальности важную роль играет личный опыт: *«допустим, какие-то родственники стали жертвами терроризма или какие-нибудь знакомые, друзья, даже какие-то дальние родственники, просто как-то хотя бы, – для них это больше кажется актуальной проблемой»* (ФСГН, 1 курс).

Отношение к терроризму у студентов в целом отрицательное: *«...негативно. Потому что это всегда человеческие жертвы»* (ИСАУ, 1 курс), *«Согласен, потому что любой террористический акт, он несет для людей вред, могут быть жертвы, могут люди пострадать, может архитектурные творения разрушать. То есть в любом случае от этого может быть вред»* (ИСАУ, 1 курс). Однако, как только фокус смещается от отношения «в целом» к конкретным проявлениям, меняется и характер оценок. Например, такие явления как *«кибер-терроризм»* (ФСГН, 1 курс), *«террор в террористической организации»* (ФСГН, 1 курс), террористические действия в отношении *«плохого государства»*, по мнению участников, приносят скорее пользу, чем вред.

Таким образом, характер оценок определяется, прежде всего, не эмоциональной вовлеченностью, а содержательным наполнением понятия «терроризм». По результатам опроса, представления о терроризме носят преимущественно негативный оценочный характер: большинство опрошенных связывают террор с «преступными актами насилия» (45,2%), «нарушением нравственности и угрозой миру» (21,7%) и «бандитизмом, разбоем» (9,4%). Сочетают оценочные суждения и рационализированные представления (форма политической борьбы оппозиции, тех, кто не согласен с властью, способ ведения боевых действий) 16,7% респондентов.

Участники группового интервью определяют содержание террористической деятельности, прежде всего, через цели и мотивы ее участников: вместо ответов на вопрос «Что?» они отвечают на вопрос «Зачем?». Наиболее распространенные позиции, высказанные студентами, можно обобщить следующим образом: террор – это «*выражение протеста*», «*демонстрация взглядов*» с целью «*привлечь к ним внимание*», «*преступные действия насильственного характера*». Кроме того, важным для определения действия как «террористического» является фактор «массовости», как с позиции числа участников, так и с позиции числа жертв: «*ведь...ммм...убийство человека не считается террором, а, допустим, убийство группы людей – считается*» (ФСГН, 2 курс).

Представления об организаторах и участниках террористической деятельности

По результатам опроса, среди представлений об основных мотивах террористов доминируют стремление осуществить акты возмездия и вызвать критику властей за их неспособность обеспечить безопасность людей; основными мотивами участия в террористических организациях и вовлеченности в их деятельность называют религиозные идеи, чувство отщепенства, стремление получить материальное вознаграждение, власть и влияние. Основными организаторами террористических актов учащиеся образовательных организаций Московской области называют радикальные исламистские группировки (62%), не исключая возможность участия в террористической деятельности обычных людей, доведенных до отчаяния (19,8%).

Участники фокус-групп солидарны с участниками опроса относительно состава организаторов и участников террористической деятельности: «*ИГИЛ и какие-нибудь мусульманские, мусульманские в смысле террористические группировки*» (ИСАУ, 1 курс) и «*любой человек может, абсолютно любой*» (ИСАУ, 2 курс). Причинами включения «любого человека» в террористическую и экстремистскую деятельность считают фанатизм – религиозный или политический, подверженность влиянию идеологии, личные мотивы, некая «ущербность».

Необходимо отметить, что размышления о целях и мотивах организаторов и участников террористической деятельности фактически определяют канву всего фокус-группового исследования. Кроме того, согласно доминирующему мнению, что и организатором, и участником может стать любой человек, цели организаторов и участников террористической деятельности зачастую вообще не разделяются.

Ряд озвученных в ходе фокус-групп целей организаторов террора совпадает с позициями опроса – это «*стремление изменить государственный строй*» и «*желание*

привлечь внимание к проблемам общества». Однако по результатам группового интервью удалось выявить и несколько специфичных мнений: «...отвлечь от чего-то, например, от какой-то политической ситуации» (ИСАУ, 2 курс), «...показать некую власть, что они могут пойти куда угодно, сделать что угодно» (ИСАУ, 2 курс), «привлечь внимание к себе, запугать» (ИСАУ, 1 курс), «некоторые люди вообще считают, что другие люди не должны жить, и поэтому их убивают» (ИСАУ, 3 курс).

Таким образом, анализ результатов исследования позволил зафиксировать весьма разнообразный спектр мнений современной молодежи об участниках и организаторах террористической деятельности. Помимо «традиционных» факторов, связанных с религией, властью, деньгами, отмечалось значительное влияние личностных мотивов, стремления человека через участие в террористических организациях удовлетворить некие внутренние потребности.

Каналы распространения информации

Наиболее популярный канал получения информации о террористических акциях и организациях, по мнению молодежи, – интернет, прежде всего – социальные сети (как российские, так и зарубежные). Этот факт отмечают все без исключения участники исследования. Следующий по популярности вариант – «от случайных людей»: 21,7% участников опроса, «знакомства какие-то на улицах» (ФСГН, 1 курс), «на улице найдутся люди, которые будут разносить такую информацию» (ИСАУ, 3 курс).

Примечательно, что при наличии фиксированных закрытий на вопрос о наиболее распространенных каналах получения информации (в ходе анкетного опроса), респонденты отмечали в качестве таковых религиозных наставников (13,9%), близкое окружение (20,9%) и другие источники. Однако в ходе фокус-группового интервью аналогичные позиции не были озвучены: помимо социальных сетей и случайных людей участники предлагали лишь вариант «Отовсюду, вообще отовсюду».

Заключение

Исследование отношения молодежи Подмосковья к терроризму ставило две равнозначные цели – методологическую и содержательную.

В качестве методологических итогов отметим, что использование как количественных, так и качественных методов в целях изучения такой острой и отчасти табуированной темы вполне оправданно. Однако наиболее эффективные результаты могут быть получены лишь при совместном их применении.

Очевидные плюсы массовых опросов с закрытыми вопросами как одного из наиболее распространенных количественных методов сбора данных – возможность охватить широкую совокупность респондентов и учесть разнообразные социально-демографические показатели (на этапе построения выборки). Это повышает надежность результатов и исследовательских выводов. Но, даже «идеальная» анкета не гарантирует, что исследователь получит полный спектр мнений и оценок, – данная задача решается лишь комплексным подходом, использованием качественных методов в дополнение к методам количественным.

Относительно содержательной цели исследования – определить специфику представлений молодежи Подмоскovie о терроризме – скажем следующее. За рамками основного текста остались вопросы вовлеченности молодежи в проблему терроризма – эмоциональной, личной, гражданской.

Несмотря на то, что часть участников исследования формально не признает актуальности терроризма, анализ ряда косвенных вопросов позволяет нам описать иную картину. Для современного студента свойственно размышлять об этой непростой и острой проблеме, ставить вопросы и искать на них ответы. И эти вопросы, прежде всего, – *«почему, за что, зачем»*. Современные студенты признают, что организация мероприятий поддержки жертв терроризма нужна и важна, однако не должна носить формальный характер – людям стоит делать это искренне, а не *«потому, что написали, что прийти вместо пары туда»*. Современные студенты уверены, что с терроризмом и экстремизмом бороться должно не только государство, но и сам человек – *«Я. В понимании каждого человека – я... каждый из нас»*.

Именно эти положения должны лежать в основе разработки эффективной политики противодействия и профилактики молодежного терроризма и экстремизма, одной из важных составляющих которой является проведение регулярных мониторинговых исследований в разных частях нашей страны.

Balueva T.V. Attitudes of youth towards terrorism and extremism: the experience of sociological research

Understanding the characteristics of modern youth's ideas about terrorism and extremism is a necessary condition for effective prevention of involving young people in the activities of terrorist and extremist organizations.

Sociological research, including a complex of methods for collecting and analyzing data, can reveal both the main trends and important details of the attitude of young people to terrorism and extremism; its results can be used as a basis for developing preventive measures.

Keywords: youth, terrorism, extremism, methods of sociological research

УДК 316.3.4

В.А. Савченко

К предельным основаниям революционной пропаганды

Аннотация:

В статье в рамках междисциплинарного подхода рассматривается вопрос влияния предреволюционной пропаганды, заставляющей объект манипуляции необъективно оценивать обстановку в стране и властных коридорах и действовать в интересах субъекта манипуляции. Показаны способы и приемы такой манипуляции.

Ключевые слова: революция, протест, протестный потенциал, бунт, восстание, недовольство, общественное мнение, эвристика доступности, эвристика репрезентативности, эффект «привязки», якорение, относительная депривация

Об авторе: Савченко Виктор Александрович, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук, офицер Вооруженных сил Российской Федерации; эл. почта: moisey.1982@mail.ru

Психология – зловредная тетка.

Она посмеивается в платочек до тех пор,
пока мы, забыв о ней, рассуждаем о прошлом...

И хохочет до слез, при попытке без консультации с ней
заглянуть чуть-чуть вперед.

Акоп Назаретян

Любая революция включает в себя три составляющих: социальный протест, государственный переворот и кардинальные реформы. Под социальным протестом обычно понимается «открытая демонстрация негативного отношения к политической системе в целом, ее отдельным элементам, нормам, ценностям, структуре, принимаемым решениям», осуществляемая в конвенциональных и неконвенциональных формах [10, с. 232]. В рамках данной работы рассмотрим начальный этап революции – формирование социального протеста, без которого все последующие события могут и не произойти.

Социально-политическая реальность нашего времени неразрывно связана с информационным фактором. Он отличает протекающие социально-политические процессы настоящего от изменений прошлого. Современные политические системы испытывают на себе давление информационных технологий во всех его проявлениях и одновременно с этим представляются весьма ценным ресурсом политической власти. Информационные ресурсы используются и властными институтами (в просветительских, манипулятивных, пропагандистских целях), и представителями оппозиционных сил, группами давления, агентами иностранного влияния для дестабилизации социально-политической ситуации в стране. Итогом реализации манипулятивно-разрушительного потенциала информационных технологий в современном обществе может служить идеологическое отторжение объектов манипуляции от их правительств, изменение властных отношений с согласия на властвование до неприязни в крайней степени проявления, изменение принципов легитимности за небольшой, по историческим меркам, отрезок времени. Социология идентичности изучает в основном процессы формирования групп, в том числе, и на основе протестной идентичности, но то, как формируется сама установка на протест отдельного субъекта, упускается из виду. В то же время исследования в области когнитивной психологии показывают, что существует заблуждение современной науки и обыденного сознания в вопросе понимания установки на протест как реакции на объективно ухудшающиеся условия существования.

Американский политолог Д. Истон схематически представил модель политической системы и показал каналы общения между властью и обществом, посредством которых возможно прийти к согласию и устойчивому состоянию всего государства в целом:

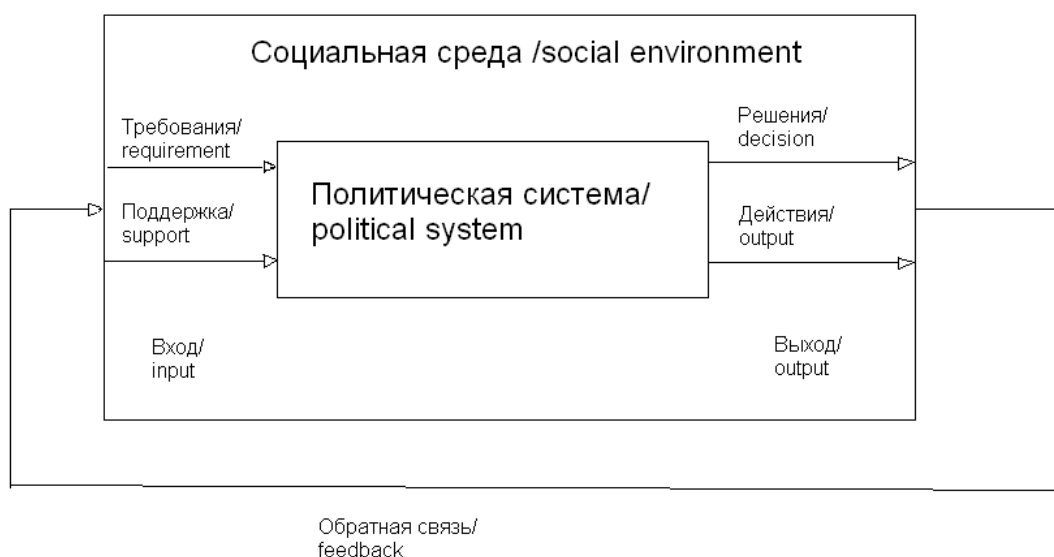

Рис.1 Модель функционирования политической системы Д. Истона (источник: <https://studopedia.org/1-122402.html> (дата обращения 11.03.2019))

Обратная связь – главное средство образования замкнутых по интересам систем, она необходима для передачи запроса от общества на несоответствие ожиданиям, свидетельствует о реакции объекта на управленческие решения и действия субъекта и, в конечном счете, определяет качество управления.

Участники диалога в государстве через систему обратных связей выполняют следующие функции:

Табл.1: Функции участников диалога через систему обратных связей в государстве (источник: <https://studfiles.net/preview/5826915/page:3/> (дата обращения 11.03.2019))

Со стороны власти:	Со стороны общества:
1. Формулирование внятных политических целей и умения донести политические послания об этих целях до общества.	1. Формулирование и выражение своих настроений, чаяний и потребностей в виде политических посланий на понятном власти языке.
2. Распознавание реакции от общества на свои декларации и действия.	2. Распознавание реакции власти на свои действия.
3. Корректировка своих целей, деклараций и действий с учетом обратной связи и возможные изменения в системе.	3. Адаптация своих действий применительно к способам политического поведения власти.

Для нормального функционирования системы с учетом обратных связей необходимо «зеркало», в котором общество могло бы увидеть себя. Данную роль выполняет развитое общественное мнение как апробированный канал обратной связи между органами государства и гражданами. Никакие управленческие действия не могут рассчитывать на успех, если не отражают интересы и устремления народных масс. Организации, изучающие эти интересы и устремления, в обобщенном виде должны представлять объективные данные правительству о желаниях управляемых, а правительство с оглядкой на мнение народа – выработать управленческие решения. При взаимодействии на систематической основе власти и общества возможно, по теории Д. Истона, достичь приемлемого уровня согласия в сохранении действующей политической модели. Если же возникает существенное рассогласование, то возникает протест и запрос на кардинальные изменения. При приемлемом уровне согласия в обществе преобладают конформистские настроения, при серьезном уровне рассогласования – нонконформистские. Данным подходом пользуется огромное количество исследователей, но все большее число их склоняется к необходимости уточнения теории ввиду усложнения канала обратной связи по сравнению с тем, что имело место на момент создания теории (60-70-е гг. XX века.). Также появились открытия в области когнитивной психологии, позволяющие говорить о общественном мнении как о программируемом явлении. На протяжении всего исследовательского периода общественное мнение интересует исследователей революции постольку, поскольку вопрос относится к проблеме обретения и потери власти.

С укоренением демократических процедур социальная база общения через каналы обратной связи значительно увеличилась. Весьма значимым аспектом исследования феномена общественного мнения является изучение взаимосвязи между процессом его формирования, выражения, функционирования и существующим уровнем социальной напряженности как предвестника социального конфликта.

Изучение функционирования системы обратных связей необходимо еще и потому, что важнейшим понятием политического насилия представляется относительная депривация – субъективное восприятие актором расхождения между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями, где ценностные экспектации – это блага и условия жизни, на которые они могут претендовать. Ценностные возможности – это блага и условия, которые они могли бы получить и удерживать [2, с. 81]. Относительная депривация – своего рода побудительный мотив к взаимодействию через систему обратных связей. Пропаганда значительно влияет на ожидания и оценку степени возможности

удержать имеющиеся блага. В стабильное время без увеличения уровня благосостояния революционная пропаганда способна увеличить уровень притязаний, а неспособность правительства удовлетворить этот уровень оборачивается негативизмом к нему. Возможно и изменить оценку возможности удержать полученные блага, и тем самым создать уровень страха необходимой интенсивности, который при определенных условиях и активной работе агитационной машины оборачивается в агрессию по отношению к правителю, допустившему подобную ситуацию [5, с. 150]. С точки зрения несоответствия вызовам времени политической системы и ее обратных связей к революции приводит относительно длительный промежуток времени, когда в социальной системе не в полной мере выполняются как функции правительства, так и народа, и весьма существенным фактором рассогласования является общественное мнение как объект предреволюционной пропаганды. В предреволюционный период народные массы, как правило, отказывают в поддержке правительству и основным требованием самой активной части населения выступает смена правящих элит.

Ситуация в вопросе формирования общественного мнения существенным образом изменилась с появлением интернета. Исследования показывают, что революции зачастую происходят не в самых бедных и бесправных обществах, в которых низка степень угнетения народа властью и весьма эффективны каналы обратной связи. Прочему на адекватную в целом реакцию правительства система обратных связей приводит к разбалансировке системы, что чревато созданием больших сообществ на основе протестной идеологии и что выливается на начальном этапе в потерю легитимности, а впоследствии в бунты и революции?

Многими исследователями протестное поведение рассматривается как вполне рациональный ответ на несовершенство социальной системы, где протест обусловлен подавлением инстинктов и рефлексов. Традиция эта восходит еще к работам П. Сорокина. Х. Ортега-и-Гассет писал: «Закон общественного мнения – это закон всемирного тяготения в сфере политической истории» [8, с. 112]. Так взгляды и убеждения заставляют двигаться большие людские массы в определенном направлении, в зависимости от наличия идей. Майер Зальд и Джон МакКарти справедливо постулируют, что в любом обществе всегда существует недовольство, которое может оказать поддержку движению, если оно эффективно организовано и обладает определенными ресурсами. Более того, это недовольство и неудовлетворенность можно определять, создавать и управлять им, манипулировать в собственных целях [16, с. 20]. Далее рассмотрим процесс формирования

общественного мнения на основе природной предрасположенности индивида делать ошибки в суждениях при определенных обстоятельствах. Ряд исследователей феномена революций склонны утверждать, что при нынешнем уровне развития научно-технического прогресса в сфере коммуникативных технологий сформировать предпосылки для революции стало делом техники. Созданы целые методик, действуя по которым с большой долей вероятности возможно добиться смены неугодного правительства [14, с. 46; 13, с. 23]. Основа ряда методик включает в обязательном порядке широкомасштабное использование СМИ. Своими корнями методик уходят к временам захвата власти большевиками 1917 г., нацистами в 1933 г. и к кубинской революции 1953-1956 гг. Эти революции привнесли понимание, что относительно стабильный режим может рухнуть при активном использовании СМИ в деле разрушения гегемонии правителя и пропагандистской работе по созданию образа нового, постреволюционного уклада. Отечественный исследователь И.Н. Панарин справедливо замечает, что в ситуации «идеального» пропагандистского влияния «каждый индивид ведет себя так, как если бы его поведение вытекало из его собственных решений. Точно так же можно манипулировать поведением группы людей, причем каждый член такой группы будет считать, что поступает по собственному разумению» [9, с. 98]. Как манипулятивный агрегат, информационно-коммуникативные технологии выполняют функции психологического принуждения к совершению протестных действий, внедряя в психику несвойственных объекту манипуляции устремления, желания и позывы, конвертируя предпочтения в пользу силового варианта как единственно-возможного у самой активной и агрессивной части протестующих, отрицая использование традиционных ранее каналов обратной связи и внедряя образ неминуемой победы в противостоянии.

Особо следует обратить внимание на стратегии оппозиции, способные пополнить лагерь протестующих. Основной упор в общественном и психологическом манипулировании при последних «цветных революциях» делался на привлечение на свою сторону инертных социальных групп и, в большей степени, деклассированных и маргинализированных, не имеющих стабильных и определенных политических взглядов молодых людей до 28 лет. В условиях слабой идеологической работы значительная часть молодежи довольно легко переходит на радикальные политические позиции [12, с. 37]. Успех во многом обусловлен использованием современных методов пропаганды и наличия каналов ее распространения, которая будучи правильно организованной имеет свойство к

самовоспроизведению, заражению индивидов протестным настроением, особенно при наличии реальных предпосылок к недовольству.

Особое внимание в деле понимания процесса воздействия революционной пропаганды следует обратить на объект манипуляции, наиболее эффективные методы влияния на его сознание. Для этого обязательно понимание некоторых процессов мышления индивидов. Теорема Томаса гласит: «Ситуация, воспринимаемая как реальная, реальна по своим последствиям». Первоочередная задача пропаганды – с помощью специальных приемов заставить объект манипуляции искаженно оценить ситуацию, но в соответствии с интересом манипулятора.

Исследования в области когнитивной психологии выявили ряд особенностей мышления, которые приводят к ошибкам определения вероятности событий. В настоящее время составлен список эффектов, приводящих к ошибкам в суждениях, в том числе и в вопросах управления государством. Рассмотрим наиболее значимые. Первый и наиболее значимый эффект при использовании революционной пропаганды – «эвристика доступности» – интуитивный процесс, в котором человек «оценивает частоту или возможность события по легкости, с которой примеры или случаи приходят на ум», т.е. легче вспоминаются [4, с. 81]. Это упрощает комплексную задачу оценки вероятности и прогнозирования значимости события до простых суждений, основанных на собственных воспоминаниях, поэтому такой процесс является необъективным. Например, человек оценивает степень риска возникновения инфаркта у людей среднего возраста, припоминая подобные случаи среди своих знакомых. Данный эффект широко используется в предреволюционный период. Через подконтрольные оппозиции информационные каналы сообщаются различные факты злоупотреблений властью представителями правящих элит. Транслируя через СМИ случаи коррупции, реальные или вымышленные, оппозиция добивается отторжения населения от власти. Подобным образом демонстрируются другие негативные явления во власти, такие как слабость, жадность, неуважение к ней зарубежных правящих элит и др. Широкое распространение в последнее время получила так называемая «серая пропаганда» на основе материалов, источник которых идентифицировать довольно трудно. В таких материалах приводятся анонимные рассказы пострадавших от злоупотребления властей, свидетельства «очевидцев», пожелавших остаться неизвестными и т.п. Эффект эвристики доступности работает, когда от объекта манипуляции накануне революции требуется дать ответ на вопрос «коррумпировано ли правительство?», «кто организует заказные убийства?», «кто виновен в развале экономики?», «кто и куда выводит

из экономики деньги?». Объект манипуляции ищет, в первую очередь, ответ в своих воспоминаниях и, чем этот поиск легче, тем выше он оценивает вероятность подобного события или процесса. Ответ с огромной долей вероятности будет предопределен имеющимися примерами «из жизни», пусть и полученные посредством СМИ [4, с. 112].

Второй значимый психологический эффект, приводящий к ошибкам в суждениях объекта революционной пропаганды, называется «эвристика репрезентативности». Репрезентативность определяет, насколько возможно обобщать результаты исследования с привлечением определенной выборки на всю генеральную совокупность, из которой она была собрана. Оппозиционная пропаганда формирует «блоки» из политиков, обладающих не самыми ценными качествами для общества в целом, объект манипуляции уже самостоятельно переносит эти качества на всю правящую верхушку ввиду природной склонности рассуждать именно таким образом [4, с. 91; 15, с. 112]. Это один из главных приемов оппозиции в деле разрушения согласия между народом и властью. В предреволюционной пропаганде «разоблачения» однозначно способствуют отторжению народа от власти, даже если сообщения получены объектом манипуляции не из достоверного источника, имеющего иностранное финансирование и являющегося агентом иностранного влияния.

Третий значимый эффект, приводящий к ошибкам в суждении, называется «якорение». Под воздействием определенной, ранее сообщенной цифры, аудитории предлагается что-либо оценить, например, чернокожих членов ООН более 70% или менее, путем продолжительной дискуссии испытуемых установлена цифра около 56%, при якоря в 20% ответ испытуемых также не сильно отличается от сообщенного накануне числа. Эффект якорения проявляется также и у профессионалов своего дела, искренне считающих себя объективными. Так, экспериментально было установлено, что судьи выносят более строгие приговоры, если до этого они бросали игральные кости и выпало большое число. При вынесении суждения эксперт «калибрует» свои оценки по отношению к любой доступной информации, даже нерелевантной [4, с. 212; 11, с. 5]. Таким образом, в революционной пропаганде встречается предложение объектам манипуляции оценить, сколько украли министры, количество обездоленных и т.д., задав число, на которое испытуемые будут опираться при суждениях. Также возможно «якорение» на число из другой области, сообщенное в непосредственной близости перед актом манипуляции. Данный эффект еще иногда называют «привязка».

Четвертый эвристический эффект называется «эффект контраста». Он открыт при проведении испытаний на студентах, которым предстояло свидание вслепую. Студентам предлагалось оценить по фотографии привлекательность девушек, с которыми предстояла встреча. Оценка была более низкой, если накануне оценки показать фильм с девушками модельной внешности. Эксперимент проводился с использованием художественного фильма «Ангелы Чарли» с девушками модельной внешности. В предреволюционной пропаганде оппозиционные СМИ используют данный эффект, показывая жизнь пенсионеров, студентов, молодых специалистов и других социальных групп в более развитых в экономическом отношении странах. Сравнение оборачивается в негативизм по отношению к своему правительству, не способному обеспечить подобный уровень жизни.

Еще один психологический эффект получил название «ретроспективная аберрация». Под ним понимается ситуация, когда положение в какой-либо ключевой области улучшается, а неудовлетворенность населения положением дел в этой сфере только растет. Объясняется это растущими ожиданиями, через призму которых динамика событий воспринимается диаметрально противоположным образом. При положительной динамике изменения уровня благосостояния небольшой уровень протестного потенциала всегда присутствует, что на практике показали социологические опросы [13, с. 23]. Этот эффект следует учитывать и правительству, иллюзорно полагающему невозможность протеста без адекватных на то причин.

Не все эвристические ошибки имеют название. А. Тверски и Д. Канеман в книге «Думай медленно, решай быстро» установили интересную особенность в мышлении индивида в ситуации сложного выбора. Обнаружена эта особенность мышления путем анализа ситуации неправильного вложения средств в акции компании Форда известным инвестором. Он посетил выставку автомобилей, будучи под впечатлением от их качества и комфорта, вложил все деньги в акции компании. В результате его ожидания роста стоимости не оправдались. Инвестор при ответе на вопрос, заданный самому себе «будут ли расти акции в цене?», ответил на вопрос «нравятся ли ему автомобили марки Форд»? Таким образом был установлен эффект, когда при сложном выборе объект манипуляции «трансформирует» в сознании вопрос до приемлемого для себя состояния и отвечает именно на него, ответ на «трансформированный» вопрос совпадает с ответом на первоначальный. Данный эффект в революционной пропаганде используется довольно часто. Объекту манипуляции задают вопрос «что лучше, капитализм нашего образца или капитализм образца, допустим, США?», объект манипуляции «упрощает» его,

перефразируя примерно так: «при каком типе моей социальной группе и мне лично будет больше выгод?». Именно это «упрощение» приводит объект манипуляции в лагерь протестующих [15, с. 112].

На оценку также влияет эмоциональность сообщения, что дает некоторые конкурентные преимущества. В исследовании Р. Нисбета и Л. Росса имитировался судебный процесс, в котором обвинитель и адвокат с различной степенью эмоциональности исполняли свои обязанности. При прочих равных условиях, симпатии аудитории, на следующий день были отданы более эмоциональной стороне судебного процесса, что предопределило весь исход судебного процесса [7, с. 132]. Революционная пропаганда по большей части очень эмоциональна, чего в ряде случаев не могут позволить себе официальные источники информации. Высокая эмоциональность как одна из составляющих когнитивного фона протеста имеет место при любой революции, что неминуемо сказывается на способности к критичности восприятия сообщений руководителей протеста.

Перечислены далеко не все эвристики, способные привести к ошибкам в суждениях, но именно их чаще всего использует революционная пропаганда в деле разрушения согласия между народом и правительством. До эры информационных технологий указанные методы помогали человеку выжить, избежать многих опасностей, приложить меньше усилий в бытовых вопросах и т.д. В некоторых областях жизни они и сегодня могут иметь позитивный эффект, но в вопросе революционной пропаганды приводят к систематическим ошибкам суждений, и к трагическим последствиям.

Отечественный исследователь средств массовой коммуникации Н.А. Васильева пришла к выводу: «Жесткие тираны контролируют с помощью жестких мер, которые требуют постоянного физического давления. Тонкие тираны овладевают умами и сердцами своих подданных через контроль образования, информации и коммуникаций, что и приводит их в рабство» [1, с. 91].

Все перечисленные выше приемы заметно влияют на протестный потенциал населения, в своей совокупности они имеют «кумулятивный» эффект, по ряду наблюдений будучи способными отодвинуть на задний план вопрос о имущественном и правовом положении объекта манипуляции. Ряд революций двух последних десятилетий, если рассматривать их исключительно с материалистических позиций, объяснить невозможно. Революция в Египте 2011 года произошла в тот момент, когда государство находилось в числе лидеров по показателям уровня жизни в регионе. Украина 2014 г. была в хорошем

положении среди стран постсоветского пространства, но революционные потрясения коснулись именно ее. Залогом эффективности предреволюционной пропаганды, своего рода катализатором действий оппозиции явилось наличие всех упомянутых разновидностей эвристик.

Степень готовности перейти к открытым формам протеста также имеет положительную корреляцию с уровнем доступа к материальным благам и ресурсам, что подтверждают исследования в ряде регионов России [9, с. 98].

Ряд исследователей утверждают, что именно субъективная оценка является главной в деле определения благополучия общества, его внутренней стабильности как стойкости к внешним и внутренним возмущениям, которые в целом определяют степень поддержки населением деятельности властей.

В деле формирования активного гражданского общества, способного адекватно оценивать обстановку в стране и быть устойчивым к революционной пропаганде, одной из задач представляется распространение информации о способности человеческого мышления в определенной ситуации оценивать обстановку неверно и делать ошибочный выбор. Необходимы целенаправленные усилия образовательных и других учреждений по разъяснению механизма влияния рассмотренных эвристик в революционной пропаганде. Опытным путем установлено, что знание о той или иной эвристике объектом манипуляции значительно снижает воздействие на него части революционной пропаганды [4, с. 611]. В свете последних революций, сопровождающихся зачастую и с гражданской войной, необходимо формировать своего рода «информационный иммунитет» граждан, способных распознавать акты манипуляции и не менять своего поведения в зависимости от желаний субъекта манипуляции. С учетом опыта противодействия манипуляциям в СМИ, необходимо выработать концептуальную стратегию по противодействию этим технологиям и рассматривать возможность их использования для решения задач обеспечения стабильности.

Библиографический список:

1. Васильева Н.А. Философские аспекты мировой политики. Часть I. Политико-философский анализ информационных новаций современного цивилизационного развития. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 91 с.
2. Гарр Р.Т. Почему люди бунтуют. СПб: Питер, 2005. 414 с.
3. Дементьева И.Н. Протестный потенциал в регионе в контексте проблемы национальной безопасности // Проблемы развития территории. 2015. Вып. 3 (77). С. 115-126.
4. Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро (пер. с англ.). М.: АСТ, 2015. 653 с.

5. Мартиросян А. Политическая агрессивность протестующих (о нелинейном развитии политического насилия) // «21-й ВЕК». 2017. № 1 (42). С. 73-85
6. Назаретян А.П. Виртуализация социального насилия: знамение эпохи? // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2. С.150-170.
7. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация: перспективы социальной психологии / пер. с англ. В.В. Румынского; под ред. Е.Н. Емельянова, В.С. Магуна. М.: Аспект Пресс, 1999. 429 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М: Наука, 1991. 255 с.
9. Панарин И.Н. Информационно-психологическое обеспечение национальной безопасности России. М., 2003. С. 98-117.
10. Политология: учебник / под ред. М.А. Васирика. М., 2008. 390 с.
11. Попов А., Вихман А. Когнитивные искажения в процессе принятия решений: научная проблема и гуманитарная технологии // Общая психология, психология личности, история психологии. Вестник ЮУрГУ. 2014. Том 7, № 1. С. 5-16.
12. Тастенов А. Феномен «цветных революций» от классической теории к непредсказуемой практике. Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 1 (49). С. 37-49.
13. Шульц Э.Э. К вопросу о мальтузианской ловушке и демографическом росте как причинах радикальных форм массового социального протеста // Парадигмы общественного развития. Политика. 2017. № 4 (87). С. 23-30.
14. Шульц Э.Э. Технологии бунта: «цветные революции» и «арабская весна» // Угрозы и безопасность. 2014. № 19 (256). С. 46-54.
15. Tversky A., Kahneman D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // Science. 1974. Vol. 185, № 4157. Pp. 112-118.
16. Zald M.N., McCarthy J.D. Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays. New Brunswick, N.J., 1987. P. 20.

Savchenko V.A. To the extreme foundations of revolutionary propaganda

According to the tradition of revolution and other protest phenomena established in the sociological and political science community, it is customary to be viewed mainly from economic, demographic, and structural positions. They argue that the imperfections in these areas generate frustrations that contribute to the creation of a base of protest. In the tradition of interdisciplinarity, from the standpoint of political science, sociology and psychology, the question of the influence of pre-revolutionary propaganda is considered, forcing the object of manipulation to assess the situation in the country and the corridors of power is not fully objective and act in the interests of the subject of manipulation.

Keywords: Revolution, protest, protest potential, riot, uprising, discontent, public opinion, accessibility heuristics, representativeness heuristics, binding effect, anchoring, relative deprivation

УДК 303.822.7; 303.442.23

Е.А. Исмаилов

Уровень протестной активности через призму оценок качества жизни

Аннотация:

В данном исследовании рассмотрена и проанализирована связь качества жизни производственного персонала и его протестной активности. В основном автор сосредоточен на материальных условиях существования работников. В качестве источника используется специальный опрос Центра социального взаимодействия коммуникации, располагающего уникально выборкой и методологией исследования.

Ключевые слова: протест, рабочие, зарплата, уровень жизни, опрос

Об авторе: Исмаилов Ербол Амангельдиевич, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук, Генеральный директор Центра социального взаимодействия и коммуникаций (г. Астана, Казахстан), эл. почта: yerbolismailov@gmail.com

Протестная активность в Новое и Новейшее время являются важным фактором развития и существования общества. В том или ином контексте она может восприниматься как негативный и позитивный факторы, огромное влияние которых на весь социальный механизм отрицать, однако, сложно. В этой связи особенно важным является изучение причин и оснований для возникновения протестных настроений и соответствующих действий, а также механизмов развития данного явления. Протестная активность носит не обязательно широкий, политизированный характер – часто она развивается в локальных масштабах, на конкретном предприятии или в конкретной организации. Истории известно множество форм такой активности – забастовки, стачки, бойкоты и др. Целью данного исследования выступает изучение взаимосвязи между качеством жизни работников и уровнем протестной активности.

Термин «качество жизни» трактуется по-разному различными теориями. В развитии понятия качества жизни свой вклад внесли как экономические (экономическая теория благосостояния, теория постиндустриального общества, теория общественного выбора,

концепция человеческого развития), так и неэкономические концепции (концепция субъективного благополучия, концепция располагаемых возможностей, коммунитаристическая теория).

Впервые термин «качество жизни» в научный оборот привнес А. Пигу, который считал, что имеется прямая связь между качеством жизни и условиями труда. По его мнению, определяющим значением качества жизни выступают содержание и условия труда, условия окружающей среды, коммуникации, вопросы безопасности и жилья [4, с. 487].

Развитие понятия «качество жизни» в американской экономической теории предзнаменовано упоминанием данного термина Дж. Гелбрейтом в его труде «Общество изобилия». По его мнению, качество жизни связано с доступом к общественному благу и должен основываться на экономическом развитии общества. Как и Дж. Гелбрейт Д. Белл, Э. Тоффлер, которых принято относить к представителям постиндустриализма, проводили параллели между качеством жизни и экономическим ростом на базе научно-технического прогресса.

Под качеством жизни в рамках данной работы воспринимается совокупность факторов, определяющих благополучие человека. В категорию таких факторов мы включаем оценку внешних условий региона проживания, материальное благополучие и условия труда через призму субъективных восприятий работника.

В целях измерения уровня социального спокойствия была разработана специальная методология, которая позволяет оценить протестный настрой того или иного коллектива путем оценки ретроспективного протестного опыта, модели поведения работников, возможности участия работников в каких-либо протестах в будущем. Методология прошла апробацию, измеряет социальное спокойствие на протяжении шести лет.

Касаясь вопросов методологии исследования, стоит отметить, что социологический опрос, данные которого стали основным источником данной публикации, проводится Центром социального взаимодействия и коммуникаций ежегодно среди производственного персонала крупных компаний. Объем выборки в 2018 году составил 37317 человек (при доверительной вероятности 99,7% и предельной погрешности 0,7%). В исследовании участвуют более 270 казахстанских компаний по всей стране в 1200 точках опроса. Анкетирование проводится как на бумажной основе, так и онлайн. Выборка вероятностная, стратифицированная. Выборочная совокупность отражает институциональную, региональную, гендерную, категориальную структуры работников компаний.

В качестве основной гипотезы исследования выдвигаются следующие предположения:

- определяющим фактором социальной напряженности выступает удовлетворенность условиями труда
- протестный настрой работников напрямую связан с уровнем социального благополучия.

В данном исследовании мы анализируем отношение к уровню качества жизни, обеспеченности социальной инфраструктурой и других важных аспектов материального положения разных социальных групп: рабочих, связанных с тяжелыми условиями труда, ИТР. Рассмотрены категории, как с опытом участия в акциях протеста и без такого рода опыта.

Согласно полученным данным опроса около 14% работников допускают участие в каких-либо акциях протеста. Однако, при более детальном рассмотрении данного вопроса в разрезе удовлетворенности работников условиями труда выявляются некоторые особенности.

Чем более работник удовлетворен условиями труда, тем меньше он допускает вероятность участия в каких-либо акциях протеста. Так, каждый четвертый респондент, полностью неудовлетворенный условиями труда, полагает, что он гипотетически примет участие в акциях протеста, а 44% таких сотрудников исключают такие меры выражения и защиты своих прав, в то время, как только 12%, полностью удовлетворенных работников, говорят о вероятности участия в протестах, а 72% декларируют невозможность своего участия в таких мероприятиях. Данные опроса отражены в таблице 1.

Таблица 1. Вероятность участия в каких-либо акциях протеста в зависимости от уровня удовлетворенности условиями труда

Удовлетворенность условиями труда в целом	Допускаю	Исключаю	Затрудняюсь ответить
Полностью не удовлетворен	25%	44%	31%
Скорее не удовлетворен	22%	48%	30%
Затрудняюсь ответить	14%	42%	44%
Скорее удовлетворен	12%	64%	24%
Полностью удовлетворен	12%	72%	16%
Общий итог	14%	64%	22%

Влияние удовлетворенности заработной платой на вероятность участия в акциях протеста не так прямо пропорционально, как в случае с условиями труда. Тем не менее закономерность можно проследить и здесь – в целом, чем больше недовольства выражает

сотрудник оплатой труда, тем более он выражает готовность к протестным мероприятиям. Подробные данные отражены в Таблице 2.

Таблица 2. Вероятность участия в каких-либо акциях протеста в зависимости от уровня удовлетворенности заработной платой

Удовлетворенность заработной платой	Допускаю	Исключаю	Затрудняюсь ответить
Да	13%	72%	15%
Скорее да	10%	68%	22%
Затрудняюсь ответить	11%	51%	39%
Скорее нет	12%	60%	27%
Нет	22%	47%	30%
Общий итог	14%	64%	22%

По итогам исследования высчитывается совокупный индекс социального спокойствия, который учитывает прошлый протестный опыт, модель поведения работников и вероятность участия в акциях протеста. Чем выше индекс, тем более стабильнее ситуация в обществе. Индекс социального спокойствия был определен в разрезе групп работников, распределенных по уровню удовлетворенности условиями труда. Рис.1 иллюстрирует положение дел:

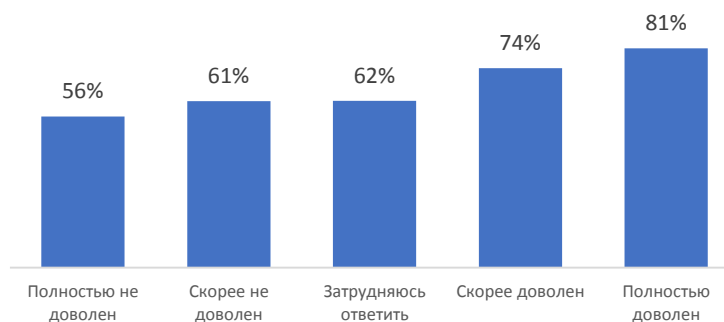

Рисунок 1. Индекс социальной стабильности в зависимости от удовлетворенности условиями труда

Разность индекса социальной стабильности между группами полностью неудовлетворенных и полностью удовлетворенных сотрудников составляет 25 п.п. Данные цифры позволяют говорить о том, что протестный настрой в целом зависит в большей степени от организации условий труда.

Аналогичная ситуация прослеживается и при рассмотрении гипотетической возможности участия работников в протестах в зависимости от удовлетворенности развитием населенного пункта проживания. Чем больше сотрудник недоволен развитием населенного пункта, тем более он настроен критично и заявляет о возможности своего участия в протестных мероприятиях, либо затрудняется с ответом на данный вопрос. Необходимо заметить, что среди работников есть определенная доля тех, которые не определились ни с тем насколько они удовлетворены теми или иными условиями, ни тем, допускают ли они возможность протестных акций. Подробнее – данные таблицы 3.

Таблица 3. Вероятность участия в каких-либо акциях протеста в зависимости от уровня удовлетворенности развитием населенного пункта, где проживает работник

Удовлетворенность развитием населенного пункта, где проживает работник	Допускаю	Исключаю	Затрудняюсь ответить
Полностью не доволен	23%	50%	28%
Скорее не доволен	16%	56%	28%
Затрудняюсь ответить	11%	45%	44%
Скорее доволен	12%	65%	23%
Полностью доволен	14%	73%	13%
Общий итог	14%	64%	22%

В рамках исследования работникам было предложено охарактеризовать свои денежные доходы в зависимости от их покупательской способности. Согласно полученным данным, чем меньше покупательская способность доходов, тем больше проявляется социальное напряжение. Индекс социального спокойствия равен 37% среди работников отметивших, что иногда им не хватает денег даже на еду. В то время как почти в два раза выше индекс у тех представителей компаний, которые могут без затруднений позволить себе купить новый автомобиль, жилье или дачу. Примечательным является то, что в целом существенное отличие от других групп отмечается только среди работников, у которых доходы не покрывают расходов на еду. Это может говорить о том, что по причине низких доходов проявление протестной активности может быть лишь в случае недостаточности денег на еду.

Рисунок 2. Индекс социальной стабильности в разрезе характеристик доходов работников

Схожая ситуация наблюдается и при рассмотрении индекса социального спокойствия по группам работников, распределенных по доле заработной платы, используемой для покрытия займов. Крайне низкий индекс, а ровно и худшая ситуация по социальному спокойствию, отмечено в тех группах, где работники направляют более 75% (индекс равен 49%) и от 50% до 75% (индекс равен 57%). Здесь можно предположить, что протестный настрой связан с существенным ухудшением финансового положения сотрудников.

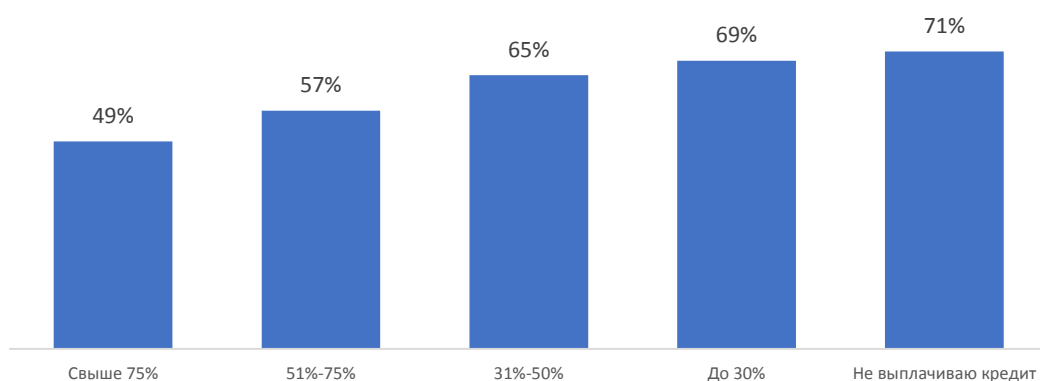

Рисунок 3. Индекс социальной стабильности в разрезе групп работников по доле заработной платы, направляемой на погашение кредита

Во время исследования работники также давали оценку материальному положению своей семьи. Значение индекса социальной стабильности во взаимосвязи с данной оценкой

дает возможность сделать вывод о том, что к появлению протестной активности приводит лишь крайнее ухудшение материального положения работников, в то время как в остальных случаях она определяется удовлетворенностью условиями труда и развитием окружающей среды.

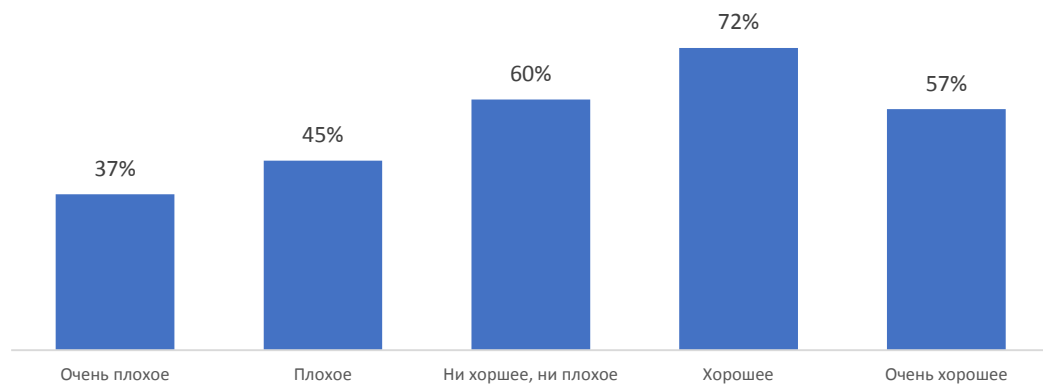

Рисунок 4. Индекс социальной стабильности в зависимости от оценки материального положения семьи работников

Таким образом, следует отметить, что несмотря на то, что материальные условия в целом влияют на протестную активность респондентов, это влияние неодинаково сильное в различных группах. В частности, принципиальным фактором протеста может стать лишь вопиющие условия – невозможность приобрести самые необходимые продукты питания и товары, невозможность, либо слабая возможность покрыть кредиты, низкая зарплата или неприемлемые условия труда. При этом, после перехода черты условной нищеты, материальное положение работников исследованных предприятий, либо влияет на их протестную активность в меньшей степени, либо не влияет вообще, и имеет место обратная закономерность. К примеру, в семьях работников с очень хорошим материальным положением такого рода активность намного выше (а индекс социальной стабильности, соответственно - ниже), чем в семьях с просто хорошим доходом. Представляется, что такого рода закономерность имеет иные, нематериальные, причины, никак не связанные, либо связанные опосредованно с трудовой деятельностью опрошенных.

В этой связи считаем необходимым следующие рекомендации:

1) Тщательный и регулярный анализ материального положения работников предприятий, который уже проводит Центр социального взаимодействия и коммуникаций, и который отражен в данной публикации.

- 2) Максимально возможная морально-психологическая поддержка групп работников, находящихся в самом тяжелом материальном положении
- 3) Улучшение условий труда наиболее страдающих от этого фактора лиц.
- 4) Проведение отдельного исследования, выявляющего закономерности протестного поведения относительно материально благополучных групп работников предприятий.
- 5) Профилактика социально-трудовых отношения на постоянной основе,
- б) недопущение массовых акций протеста, которые затем порождают завышенные ожидания, как к работодателю, так и к представителям общественных структур, ответственных за развитие социальной сферы на протяжении длительного периода, в нашем случае, - 6 лет.

Библиографический список:

1. Бестужев-Лада И.В., Батыгин Г.С. О качестве жизни [Электронный ресурс] // США и Канада: экономика, политика, культура. 1978. № 1. С. 23–35. Режим доступа: <http://www.library.ru/help/docs/n65217/1.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).
2. Крыжановская А.Г. Теоретические подходы к определению качества жизни населения [Электронный ресурс] // Экономические науки. 2009. № 5 (54). С. 273-276. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/01/1267207081/56.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).
3. Ларина Т.Н. Эволюция концепций качества жизни населения в контексте развития макроэкономических теорий // Журнал экономической теории. 2016. № 3. С. 233-245. Садовая Е.С., Сауткина В.А. Качество жизни населения мира: измерение, тенденции, институты [Электронный ресурс]. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 208 с. Режим доступа: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2012/12008.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).
4. Пигу А. Экономическая теория благосостояния / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1985. 512 с.
5. Шерешева М.Ю., Оборин М.С., Костянян А.А. Особенности оценки качества жизни населения малых городов // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Том 9, № 2. С. 289-311.

Ismailov Y.A. The level of protest activity through the prism of assessing the quality of life

This study examined and analyzed the relationship of the quality of life of production personnel and its protest activity. Basically, the author focuses on the material conditions of existence of workers. The source is a special survey of the Center for Social Cooperation of Communication, which has a unique sample and research methodology.

Keywords: protest, workers, salary, standard of living, survey

УДК 323.22/.28

И.Я. Шимон

Сто лет одиночества России?

Аннотация:

В работе проведен критический анализ модели развития России в ближайшие 100 лет, изложенной в статьях В. Суркова «Одиночество полукровки» и «Долгое государство Путина».

Ключевые слова: модель, государство, экономика, рейтинг, элита

Об авторе: Шимон Иван Ярославович, доктор исторических наук, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта iv sh <sh.iv2015@yandex.ru>

В 1967 году вышла в свет знаменитая книга известного колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества». Автор показывает безысходность одиночества семейства Аурелиано Буэндиа и экстраполирует это одиночество на всю Латинскую Америку. Кстати, нобелевская речь Маркеса так и называлась «Одиночество Латинской Америки» (1982 г.).

Ассоциация с романом Г. Маркеса вызвана двумя статьями В. Суркова: «Одиночество полукровки» [3] и «Долгое государство Путина» [4]. И «одиночество» России и «долгое государство Путина» продлятся, по мнению автора, 100 лет. Эта ассоциация уместна еще и потому, что страны Латинской Америки в течение многих столетий экономически и политически воспринимались как «банановые республики», то есть сырьевой придаток Запада. Сегодня Россия находится почти в таком же положении.

В статье «Одиночество полукровки» В. Сурков разъясняет, что под «полукровкой» подразумевается Россия, которая исторически «распята» между Европой и Азией, не ставшая ни той, ни другой и тем самым обреченная на геополитическое «одиночество». Выход из этого «одиночества», по мнению автора, для России туманен и непредсказуем, хотя и «зависит от нас». Он весьма образно указывает на два пути: либо «прозябание бобыля на отшибе», либо некое магическое превращение России в счастливую «альфа-нацию» – мирового лидера.

За точку отсчета «столетия» российского одиночества В. Сурков берет 2014 год, знаменующий воссоединение Крыма с исторической Родиной. В этом факте он видит акт отпадения России от западноевропейского вектора цивилизационного развития и ее переход к «одинокому» существованию. В дальнейших размышлениях автора сквозит некое сожаление – оторвавшись от Запада, Россия обречена на одиночество. Соглашаясь с автором по ряду его оценок, тезис «обреченности» нашей страны принять трудно.

Факт возвращения Крыма, на наш взгляд, стал своеобразным Рубиконом для России, пройдя через который страна разорвала удавку одиночества! И появился свет в конце тоннеля – возможность рывка к реальной свободе и независимости; этим самым Россия, возможно, отсрочила свою гибель. Именно этого рывка Запад не может простить России! На какое время мы получили отсрочку? Скорее всего, на те самые 100 лет, хотя, как говорят, возможны варианты и интерпретации.

О чем свидетельствует история отношений России и Западной Европы в последние 400 лет? Отметим главное: Россия трижды спасала западный мир от порабощения (от орд Чингисхана, от имперских устремлений Наполеона, от расово-нацистских амбиций Гитлера); Запад долгие годы способствовал уничтожению исторической России – СССР и во многом преуспел; Запад навязал постсоветской России т.н. монетаристский путь социально-экономического развития, в результате которого страна превратилась фактически в его сырьевой придаток; США и его союзники не выполнили свое обещание распустить НАТО... На все это Запад ответил откровенной враждой и практическими шагами по дискредитации России. Сегодня устремления Запада направлены на уничтожение российской государственности...

В. Сурков отмечает общеизвестный исторический факт о том, что первые 400 лет государственного развития России находилась в орбите Востока, что тоже обрекает нашу страну на одиночество. Много раз говорено миру, что Россия – не Европа и не Азия. Не секрет, что, идя своим путем, наша страна вынуждена была, в зависимости от обстоятельств, сближаться то с той, то с другой частью континента, приноравливая свой шаг и свой вектор движения к господствующей на тот момент политико-экономической и военной силе. Но в своем существе Россия оставалась самой собой – евразийской державой, срединной землей, духовный склад и менталитет которой были направлены на уравнивание сил и на отстаивание общеконтинентальных и общемировых интересов.

В. Сурков акцентирует внимание на геополитическом аспекте «одиначества», где его не может быть в принципе: мир – и западный и восточный – тысячами нитей так или иначе связан с Россией, в то же время и Россия связана с миром.

К сожалению, автор статьи ничего не говорит о социальном аспекте, где наше «одиначество» реально осязаемо: Россия – самая богатая страна мира, занимает ведущие позиции по природным ресурсам и в то же время она одна из самых бедных - страна «социальных болезней» [2]. Вот только некоторые из них: повышение пенсионного возраста осуществляется для увеличения пенсий и стабильности пенсионной системы, но даже по официальным данным половина мужчин не доживают до пенсии; оптимизация системы здравоохранения не дала ожидаемых результатов – только в период с 2012 по 2018 гг. ликвидировано 1000 больничных организаций, а число больничных коек сократилось на 165 тыс. штук; высокая смертность населения (в 2018 году Росстат отметил уменьшение населения почти на 200 тыс. человек); коррупция привела к тому, что по данным Счетной палаты в 2017 году выявлено нарушений на 1,5 трлн. рублей; социальное расслоение – согласно официальной статистике, на сегодняшний день в России 20 млн. нищих, а бедных – более половина населения страны; постоянное повышение налогов и сборов, но нет прогрессивного налога на прибыль; безудержный рост цен и тарифов как на ЖКХ, так и на продукты питания; совокупная задолженность граждан по кредитам превысила 15 трлн. рублей; слабо действуют главные демократические институты – выборы и референдумы; нарушения законности; недостаточное проявление свободы слова и информации... Как долго продлится социальное одиночество? Судя по тому, что оно было свойственно России все предыдущее тысячелетие, 100 лет – сущий пустяк...

Во статье «Долгое государство Путина» В. Сурков раскрывает основные положения новой российской государственности. Первая аксиома автора, на которой построена его теория и практика новой политики, отсутствие выбора.

Речь идет о выборе первого лица государства и идеологии. По мнению В. Суркова, либо Россия будет с президентом В.В. Путиным и с идеологией, которую он называет «путинизм», либо России вовсе не будет. В последнее время этот тезис стал ведущим в российской пропаганде. В связи с этим важно подчеркнуть, что именно В. Сурков был автором концепции «суверенной демократии», на которой стояла вся идеология российского государства в период правления В. Путина, утверждая, что демократия является наилучшим способом политического устройства, и что она в России имеется, но носит специфический, «суверенный» характер, то есть, это нечто такое, что свойственно

только России, применимо только в России и отличается от мирового понимания демократии.

В статье В. Сурков прямо заявляет, что демократии нет нигде, даже на Западе, где мы наблюдаем лишь «иллюзию выбора», а на самом деле всем управляет «deep state», «глубинное государство», олигархи и силовики, которые прикрываются институциями хваленного гражданского общества. Автор характеризует «глубинное государство» как «... абсолютно недемократическую сетевую организацию реальной власти силовых структур. Механизм, на практике действующий посредством насилия, подкупа и манипуляции и спрятанный глубоко под поверхностью гражданского общества» [4].

В отличие от Запада в России «глубинное государство» не маскируется под демократию, а правит открыто, не манипулируя и подкупая: «Наша система, как и вообще наше все, смотрится, конечно, не изящнее, зато честнее... Государство у нас не делится на глубинное и внешнее... Самые brutальные конструкции его силового каркаса идут прямо по фасаду, не прикрытые какими-либо архитектурными излишествами... Высокое внутреннее напряжение, связанное с удержанием огромных неоднородных пространств, и постоянное пребывание в гуще геополитической борьбы делают военно-полицейские функции государства важнейшими и решающими...» [4].

Следовательно, второй аксиомой новой российской государственности автор считает военно-полицейское государство.

Предтечами такой государственности, по мнению В. Суркова, были государства Ивана Третьего, Петра Первого и Владимира Ленина, в чем-то разные, но в главном однотипные – все они опирались на «глубинный народ».

Таким образом, В. Сурков определил каркас «долгого государства Путина»:

- сильный, харизматический правитель,
- прямая опора на народ,
- сильное военно-полицейское государство.

Удивительно, но факт: в этой триаде нет еще одного звена – духовной скрепы. Возможно это и правильно: Россия поликонфессиональная страна и выделять какую-то одну религию не совсем политкорректно.

В чем новизна модели В. Суркова? Новизны нет, есть простая констатация факта вековой российской государственности. Да, поиграли в демократию, либерализм и хватит: надо возвращаться к старым, испытанным методам правления, при которых Россия и

добивалась успехов, осуществляла рывки в своем развитии. Автор дает понять: либеральный проект в России провалился.

Далее следует четкий ответ на извечный русский вопрос: что делать?

В. Сурков пишет: «Большая политическая машина Путина только набирает обороты и настраивается на долгую, трудную и интересную работу. Выход ее на полную мощность далеко впереди, так что и через много лет Россия все еще будет государством Путина... Необходимо осознание, осмысление и описание путинской системы властвования и вообще всего комплекса идей и измерений путинизма как идеологии будущего... для возможности трансляции его (Путина – И. Ш.) методов и подходов в предстоящие времена».

Имеются ли в современной России социально-экономические, политические и духовные предпосылки для осуществления подобного сценария развития России в предстоящие 100 лет? Такие предпосылки созданы в постсоветский период, достаточно посмотреть на то, какие места занимает Россия в мировых рейтингах.

Первые места: по абсолютной величине убыли населения; по импорту мяса; по добыче и экспорту газа и нефти (2 место); по экспорту стали; по коррупции в Европе; по количеству поданных жалоб в Европейский суд по правам человека.

Вторые места: по уровню бюрократии; по числу долларовых миллиардеров; по количеству заключенных на 100 тысяч населения.

Четвертые места: по числу поданных ее гражданами просьб об убежище за рубежом; по употреблению алкоголя.

Пятое место по числу сверхбогатых семей;

38-е по качеству образования; 57-е по качеству жизни; 62-е по уровню технологического развития; 65-е по уровню развития человеческого потенциала; 70-е по использованию IT технологий; 72-е по рейтингу расходов государства на человека; 76-е по размеру валового национального дохода на душу населения; 101-е по эффективности правительства; 127-е по показателям здоровья населения; 134-е по продолжительности жизни мужчин и 100-е по продолжительности жизни женщин; 143-е по уровню экономических свобод; 159-е по уровню политических прав и свобод; 173-е по степени свободы прессы; 175-е по уровню физической безопасности граждан [1].

При таком социально-экономическом бытии потребуются и волевой лидер, и военно-полицейское государство, чтоб «глубинный народ» всегда был послушным... И вновь, в который раз, в России будут витать утопические идеи об ином жизнеустройстве:

1. В социально-экономической сфере: эффективная рыночная система и защищенная частная собственность (защищенная от бесконечных переделов, рейдерства); поощрение малого бизнеса, свободной конкуренции и пресечение монополизма; разумное соотношение рыночного и государственного регулирования экономики; минимизация вмешательства государства в бизнес и деbüroкратизация экономики; забота о росте среднего класса и минимизация в доходах богатых и бедных.

2. В социально-политической сфере: реальная, работающая демократия, свободные выборы, открытое и правовое общество, независимые суды, беспрепятственная деятельность оппозиции, независимые от государства СМИ, гражданская активность, эффективный контроль за властью и обеспечение прав и свобод личности.

3. В социально-психологической сфере: позитивная ментальность, расчет не на патернализм, а на самостоятельность и личную активность, ответственность и законопослушность, трудолюбие и бережливость, на заботу об окружающей среде, на толерантность к окружающим, изжитие в себе комплекса парии – самоощущения униженности, бесправия и сервильного отношения к власти.

В завершение статьи поставлю риторический вопрос: а зачем В. Сурков вообще писал эти две статьи, особенно вторую? Ответ напрашивается один – все эти проблемы волнуют и страшат нынешнюю политическую элиту, потому что за ними скрывается вопрос: что будет с ними «после Путина»?

В.В. Путин – человек уже немолодой: в 2024 году ему исполнится 71 год, а в 2030 году – 77. Очевидно, после 2030 года перспектив остаться в большой политике в качестве действующего лидера у него немного. Да, похоже, он и сам не хочет: На следующий день после выхода статьи В. Суркова, во время встречи с общественностью в Казани, президент открыто шутил о том, что он будет делать после окончания президентской карьеры... Но вся нынешняя политическая и экономическая элита страны заинтересована в том, чтобы государство, созданное В. Путиным, было для них вечным...

Библиографический список:

1. Какие места занимает Россия в мировых рейтингах [Электронный ресурс // MR7. 2011. 10 июня. Режим доступа: <http://mr.ru/articles/43146> (дата обращения 03.03.2019).
2. Рывкина И.В. Социальные болезни современной России. М., 2011. 244 с.
3. Сурков В.Ю. Одиночество полукровки // Россия в глобальной политике. 2018. 9 апреля.
4. Сурков В.Ю. Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февраля.

Shimon I.Y. **One Hundred Years Of Solitude Russia?**

The model-content of Russia development for the next 100 years in the work, which is formulated in V.Surkov's articles «Loneliness of the half-blooded» and «The Putin's long state».

Keywords: model, state, economy, valuation, elite

УДК 316

А. Толеш

Этические проблемы лидерства: риски управленческой деятельности

Аннотация:

Современная философская мысль, анализируя культурную ситуацию современности, обозначает ее как кризисную, а значит, вопреки осознанию со стороны общества необходимости моделирования этического лидерства в условиях разворачивания тенденции смены управленческой парадигмы, параллельно может возрастать в своем развитии проблема манипуляции индивидуальным и общественным сознанием, усиливая риски управленческой и политической деятельности. В связи с наметившимися тенденциями очевидной и бесспорной становится ситуация изучения макиавеллизма как личностного конструкта, а также феномена гибрис-личности, которые оказывают сильное влияние на построение характера взаимоотношений в обществе, препятствуя зарождению этического лидерства, либо подменяя его. Лидерам современности следует знать, к чему приводит власть, лишенная этического лидерства, либо лишь провозглашающая на словах этические принципы.

Ключевые слова: этическое лидерство, манипуляция, макиавеллизм, гибрис-синдром, кризис, власть, микрополитика, протест

Об авторе: Толеш Айнаш, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук, директор ТОО «Al-Farabi Education» Business Academy; эл. почта: al-farabieducation@mail.ru

Лидерство – одна из наиболее популярных, ярких проблем современности, активно изучается в исторической науке, социальной философии, политологии и политической психологии. Проблему лидерства можно отнести к одной из перманентных проблем, так как исторический процесс находится в постоянном развитии, и теоретической мысли приходится постоянно совершенствоваться в поисках ответов на вызовы конкретной культурно - исторической ситуации.

Феномен лидерства проявляется в любых организованных группах, стремящихся к какой-то общей цели, где гражданам, массе, государству приходится решать проблемы, затрагивающие интересы всех или большинства. Вместе с тем, вопросы этики лидерства, рассматриваемые исследователями в категориях справедливости, нравственности и других добродетелей в значительной степени остается нераскрытой, так как до сих пор в рамках данного феномена вопрос соотношения лояльности, власти, уважения, честности, ответственности остается неоднозначным. Политический лидер, лидер нации, религиозный лидер, лидер партии, лидер государства... Лидеры такого уровня наделены огромной властью, поэтому лидерство всегда ассоциируется с властью.

С одной стороны, власть в социально-философском и политическом измерении – это способность властвующего лидера заставить себе подчиняться. С другой стороны, в контексте философии и психологии – это готовность масс, группы подчиниться лидеру. И в этом измерении необходимо уже говорить о способности лидера влиять, а не только властвовать. Именно здесь, на стыке двух разных дистинкций, «влияния» и «власти» возникает потребность обращения к нравственным, этическим принципам человеческого бытия. Именно здесь, на перекрестке двух дорог, которые могут не пересекаться друг с другом, и возникает проблема этического лидерства, которая в современном обществе только начинает изучаться в условиях, когда история всего мира стала зависеть от мельчайших деталей, в том числе от решений, принятых отдельными личностями. И если в средние века парадигма управления «Кто виноват?», основанная на манипулировании жестким делением на «своих и чужих», создавала предпосылки для протестных настроений, войн, революций, захватов чужих территорий, а значит захвата власти, то сегодня, в условиях запуска различных, так называемых, кризисогенных форм поведения, нарастании волны кризисов и превращении ее в глобальную катастрофу, любое сопротивление, по какому бы поводу оно ни возникало – должно рассматриваться, прежде всего, как вчерашняя ошибка в управлении и малых, и больших систем.

История прошла через ряд сменяющихся парадигм, которые были вызваны расширением человеческого сознания и его способностью проникать в сущность мира людей и мира вещей. Один из таких парадигмальных переворотов, как известно, начался с Коперника, который «поставил научное исследование и разум прежде Библии, таким образом отвергнув власть как источник истины» [14, с. 13]. С именем Ньютона связана другая перемена парадигмы (это то, как все устроено и как все работает), с которой появилась возможность *манипулирования* миром: когда мы знаем, как что-либо работает,

мы можем этим управлять, а значит властвовать и влиять. По словам Д. Оффмана «именно эта идея оказала свое влияние на самые далекие уголки нашего мира и сознания» [14, 14].

Исследование природы власти в европейской традиции обычно принято связывать с именем Н. Макиавелли. Макиавелли считал, что власть особенно необходима государю в переходные периоды, которые требуют трудных процессов перестройки сознания в условиях смены парадигм бытия. А в свою очередь, как известно, перестройка сознания всегда вызывает сопротивление, для преодоления которого необходима власть. В представлениях Николло Макиавелли, лидерство и мораль – не одно и то же, так как власть, в его понимании, не может быть увязана с выбором этических принципов, где, естественно, нет места цинизму, которым так упивался в свое время автор трактата «Государь», и советам которого до сих пор следуют многие политические и иные лидеры.

Но, как известно, историческое развитие, связанное со сменой культур, эволюцией картины мира всегда нуждается в «новой личности», в новом типе лидерства, действующем не так как раньше. Поиск нового лидера – это, в известной мере, поиск нового типа социальности.

Мир изменился. Канули в лету времена «крепких парней», «бандитского Петербурга», ставящих дело выше человека: способных пробить, заставить через угрозу, потребовать, наказать, готовых ударить кулаком по столу, обвинить, допустить негативное высказывание по отношению к подчиненному. Сегодня подобная антигуманная, антиэтичная система управления постепенно теряет свою власть и перестает работать в условиях возрастающей политической и организационной культуры. Свою роль играет и осведомленность населения через доступные СМИ, освобождая массовое сознание от стереотипов и мифических представлений о лидере-вожде и управлении, основанном на манипуляции человеческим сознанием. Но, все еще оставаясь непредсказуемой и опасной для современной цивилизации, парадигма управления «Кто виноват?», отстаивая свой плацдарм, противостоит адекватному восприятию и становлению этического лидерства.

Тем не менее, сегодняшней, возможно еще не совсем зримый, переход управления от средневековой парадигмы «Кто виноват?» к новой парадигме управления «Чего не хватает?» обуславливает появление феномена этического лидерства, которое в условиях современности, охваченной «ростом протестных настроений и регрессом к «черно-зеленой» разновидности политического терроризма» [11], может способствовать выходу из кризисных состояний, как мировых держав, так и общества в целом.

Социальная и политическая философия рассматривает лидеров как «создателей

смысла», а значит социальная ответственность, политика и этичный бизнес должны начинаться с этического лидерства. С кантианской точки зрения, лидерство предполагает руководство, включающее четкие, конкретные и точные правила этики. Этическое лидерство имеет потенциал, который способен стимулировать положительное взаимодействие систем разного масштаба, снижать распространенность негативных характеристик рабочей и общественной среды, таких как неэтичное поведение и конфликт [19].

Этическое лидерство представляет «власть-влияние» внутри любой системы, которая не нуждается в применении силы, хотя может обладать ею, но основывается на категориях справедливости и нравственности. Этическое лидерство – это, видимо, самый естественный источник взаимодействия на разных уровнях человеческого сознания и бытия, бесконфликтный источник наших прав и обязанностей, регламента деятельности в рамках любых систем, гарант достигнутых соглашений, как на уровне государства, так и на уровне отдельно взятого предприятия. С этой позиции возникает вопрос: какие требования предъявляются современностью к лидеру-руководителю? Если подходить к этой заданности через теорию черт, то можно запутаться в бесконечной паутине перечисляемых характеристик, которые часто могут не совпадать с реальным лидерством. Однако американскими социологами Дж. Каузесом и Б. Познером было доказано, что только четыре отличительные черты являются общими для состоявшихся современных лидеров: честность, умение прогнозировать, способность вдохновлять людей и компетентность [2]. А значит, исходя из теории среды, можно заключить, что именно эти качества востребуются современным обществом. Именно эти качества способны вызвать то, что называется влиянием, в этом и состоит социальная значимость лидерства.

Заметим, что такое качество личности как честность стоит на первом месте в выводах американских исследователей. Честность – это отсутствие двойных стандартов и соблюдение одинаковых правил как по горизонтали, так и по вертикали организационных и бюрократических структур. Но в реальной жизни многие лидеры часто пользуются двойными стандартами, основу которых составляет макиавеллистское деструктивное расхождение между заявленными ценностями и реальным поведением. Отзвук XV-го века пытается управлять современностью следующим образом: «Итак, нет необходимости князю управлять всеми описанными добродетелями, но непременно должно казаться, что он ими наделен. Более того, если он их имеет и всегда согласно с ними поступает, то они вредны...» [8, гл. XIX]. А это уже и есть нарушение этических принципов. И можно сколько

угодно проповедовать честность, этические принципы управления, но при этом не быть носителем честности и этического лидерства. Именно такие ситуации обуславливают, рано или поздно, падение авторитета лидера, оставляя за ним лишь власть-полномочия, которая является властью номинальной, когда отсутствует такая важная составляющая феномена лидерства как влияние, основанное на доверии подчиненных.

В свою очередь, как известно, отсутствие доверия, а значит и влияния приводит к тому, что руководство сталкивается с неприятными «сюрпризами» в виде таких феноменов, как «зона безразличия подчиненных», «виртуальная текучесть кадров», «маскирующее поведение», «выключенная рабочая сила», «управление снизу-вверх» и пр. Они включены в симптоматику латентных конфликтов, создающих напряжение в групповом взаимодействии, нарушая коммуникацию и сотрудничество, с дальнейшим переходом в открытое сопротивление и массовые протесты. Все перечисленные тактики, есть не что иное, как скрытый протест против проявления так называемой *микрополитики* (обман, интриги, деспотичность по отношению к нижестоящим, преклонение перед вышестоящими и т.д.), которая далека от этических принципов взаимодействия и представляет угрозу для установления доверия. Т. Бернс, который впервые использовал понятие микрополитики, определяет микрополитику как степень, в которой людей используют как ресурс для реализации политических или экономических целей в условиях конкуренции [17].

Основываясь на многочисленных исследованиях форм, функций и способов преодоления организационных конфликтов в реально существующих современных компаниях, Э. Регнет приходит к основополагающему выводу о том, что открытое применение власти (применение лишь властных полномочий, лишенных этических принципов, превращающее организацию в поле битвы и вызывающее реактивное сопротивление) и применение микрополитики со временем «изнашивается и притупляется, постепенно теряя свой устрашающий и угрожающий эффект, в то время как агрессия со стороны подчиненных лишь увеличивается» [16, с. 137].

Именно поэтому, сегодня так важно перейти на конструктивный способ управления, который предоставляет этическое лидерство, основанное на понимании, взаимоуважении и принципах морали, в противовес власти, лишенной этического лидерства, либо только провозглашающей на словах этические принципы. Но необходимо отметить, что важнейшим мотивационным источником лидерства признается потребность во власти, которая пронизывает политическую жизнь любого общества. Г. Лассуэл доказывает, что доминирование этой потребности в личностной мотивации необходимо рассматривать как

следствие дефицита позитивных психосоциальных связей человека с параллельным развитием на этом фоне эгоцентрических амбиций, статусных карьерных потребностей, проявляющихся в настоятельной необходимости в самоутверждении через власть и господство [7]. Конкретные исследования и здравый смысл показывают, что лидерство, основанное на эгоцентрических амбициях, противоречит этическим принципам и, скорее всего, представляет собой риск неуклонного тяготения к макиавеллизму, проявление которого в современных условиях часто может быть спрятано за ширмой этических лозунгов. В связи с этим изучение макиавеллизма не теряет актуальности, так как это явление имеет связь не только с манипулятивным поведением, но и со склонностью ко лжи, которую Н. Бердяев считал главным принципом макиавеллизма: «ложь может поддерживать организацию общества и государства, но она внутренне разрушает личность» [1, с. 106]. Возрастание оправданной и неосознаваемой лжи Н. Бердяев видит прежде всего в экстернизации совести, когда «человек принуждается ко лжи во имя того или иного понимания коллективного блага» [1, с. 108].

Ситуации, благоприятные макиавеллизму обнаруживаются, как известно, в условиях абсолютистских и тоталитарных режимов, а также в условиях революционных, кризисных ситуаций, когда разрушаются старые, но еще не возникли новые форматы политической деятельности. Современная философская мысль, анализируя культурную ситуацию современности, обозначает ее как кризисную [11]. Следовательно, вопреки осознанию со стороны общества необходимости переосмысления этического лидерства в условиях смены управленческой парадигмы, параллельно может возрастать степень манипуляции индивидуальным и общественным сознанием, усиливая риски управленческой и политической деятельности. В связи с наметившимися тенденциями, становится очевидным изучение макиавеллизма как личностного конструкта, который оказывает существенное влияние на построение характера взаимоотношений в обществе, препятствуя зарождению этического лидерства, либо подменяя его.

Современные американские исследователи Р. Кристи и Ф. Гейс [3; 4; 5; 6] разработали коэффициент измерения уровня сформированности макиавеллистических тенденций, установок, убеждений на таких показателях, как слабая роль эмоций в межличностных отношениях, пренебрежение конвенциональной моралью, наслаждение, получаемое от манипулирования другими людьми на основе контент-анализа текстов трактата «Государь» Н. Макиавелли, где содержится свод рекомендаций по сохранению и преумножению государственной власти любыми средствами, которые, с позиции

Макиавелли, гарантируют выгоду и силу, т.е. то, что должно быть в политике, завоеваниях и в управлении людьми [8]. Результаты исследований по адаптации шкалы Мак-4 вышли в свет в России более 15 лет назад, благодаря работам В.В. Знакова, но сама методика исследования макиавелизма личности, вышедшая в 2001 г. в издательстве «Смысл», в настоящее время является библиографической редкостью [3]. Однако потребность в ее применении становится все более актуальной в связи с ростом протестных настроений и террористических действий в ряде стран, а также внутрисирийского конфликта, вокруг которого разгорелись геополитические страсти, втянувшие десятки государств. Корыстная манипуляция или макиавеллизм как устойчивая установка эффективно использовать других людей ради выгоды отдельных лиц или групп признается безнравственной, так как именно в ней сокрыты нарушения морально-этических принципов и прав человека. Р. Кристи и Ф. Гейс [5; 6], на которых ссылается В.В. Знаков, назвали ярко выраженный макиавеллизм синдромом эмоциональной холодности, где присутствует всегда осознанная и корыстная манипуляция, основанная на убеждении, что другими не только можно, но и нужно манипулировать. Главными психологическими составляющими макиавеллизма В.В. Знаков называет абсолютную убежденность в праве манипулировать другими на основе лишь частого декларирования принципов этики и морали [5]. Проверка релевантными тестами и процедурой экспертных оценок выявила связь макиавеллизма с подозрительностью, враждебностью, экстернальностью, невысокой оценкой морально-этических норм и доминированием [4; 5; 6]. Анализируя многоликую представленность лидерства в политике, Д.В. Ольшанский приводит убедительные доводы реальной опасности, исходящей от лидера-макиавелиста, который в экстремальной ситуации имеет искаженную картину мира и искаженное видение политической ситуации, и может охватывать «значительные массы», так как имеет свойство заразительности [12, с. 190].

Рассуждая о необходимости глубинной демократии, которая, прежде всего, основывается на его представлениях об этическом лидерстве, А. Минделл указывает на то, что «сегодняшние организации часто кажутся похожими на семьи, где один или двое недоброжелательных людей подчиняют себе всех остальных, в то время как другие со страхом наблюдают или отворачиваются. Поскольку никто не останавливает таких произвольно жестоких людей, они набирают силу, пока всей организации или даже обществу не приходится иметь с ними дело, налагая правила, законы или что-либо еще хуже» [9, с. 14].

В свою очередь результаты экспериментов немецкого исследователя М. Дойча

показали: сотрудничество и конкуренция имеют тенденцию к «самоэскалации», следовательно, потенциальная угроза провоцирует встречную угрозу. А отрицательно стратегия угрозы коррелирует с восприятием искренности, уступчивости и этичности противоположной стороны [18]. Другими словами, открытая демонстрация власти, отсутствие этических принципов в управлении вызывает реактивное сопротивление современного человека. Благодаря исследованиям Э. Регнет стало очевидно, что угроза или наказание вызывают конкуренцию, «даже если сотрудничество было бы выгодней для обеих сторон». А «законность власти на основании формального авторитета (должностная власть) или личностных особенностей (харизма, личный пример) признают, как правило, лишь до определенного момента» [16, с. 135].

Тем не менее, сегоднястораживает интерпретация некоторых исследователей личностей с высоким Мак-коэффициентом, которая подается с явно положительным акцентом, указывающим на лидерскую представленность без набора нелицеприятных качеств: спокойствие и отсутствие эмоциональности, ориентация на цель, уверенность в своей правоте, стремление достигать цели в конкурентной борьбе, рациональность и инициатива, невозмутимость, смелость, фокусированность на точных когнитивных характеристиках ситуации и концентрация на победе. И в итоге, исходя из теории черт, а также из заявленных интерпретаций синдрома макиавеллизма, получается, что именно макиавеллисты, которым чужда этика и мораль в управлении, могут являться лидерами современности. Возникает вопрос: откуда тогда взяться этическому лидерству?

В настоящее время, в условиях «запуска различных кризисогенных форм насаждения протестных настроений масс» [11], когда история всего мира начинает зависеть от решений, принятых отдельными личностями, важным становится рассмотрение еще одного феномена, препятствующего становлению этического лидерства. Это так называемый гибрис-синдром, описанный Д. Оуэном на примерах недугов мировых лидеров XX столетия – синдром самонадеянности у лиц, стоящих у власти или «опьянения властью» [13]. Отметим, что нашумевшая книга Д. Оуэна «История болезни: недуги мировых лидеров последнего столетия» вызвала множество споров. Неоднозначно мнение о том, представляет ли гибрис-синдром научную ценность или же это просто перечисление личностных особенностей лидеров, стоящих у власти. Гибрис также трактуется как «совокупность признаков специфической профессиональной деформации, возникающей в результате злоупотребления властью любого рода и на любом уровне» [10, с. 12]. На наш взгляд неважно, как интерпретируется гибрис-синдром специалистами разных профилей,

важно понять, что «опьянение властью» может представлять опасность для современной ситуации развития больших и малых систем, которая способна обуславливать переход от общества открытого типа к обществу закрытого типа.

Рассматривая совокупность признаков специфической профессиональной деформации, вызванной длительным пребыванием у власти, Д. Оуэн, в свою очередь, ссылаясь на молитву врача Роберта Хатчисона, провел следующую аналогию между политикой и медициной: «если в молитве врача слово «пациенты» заменить на «избиратели», то с таким же успехом она могла бы быть молитвой политика. Ведь политики, как и врачи, держат в руках жизни людей» [13, с. 9]. Осмысливая этическое лидерство, Д. Оуэн сравнивал его с заповедью врача «не навреди», подчеркивая, что это особенно важно в современной действительности, «когда получили такое распространение ятрогенные заболевания» (заболевания или расстройства, возникающие вследствие неправильных, неосторожных высказываний или действий со стороны врача) [13, с. 9]. И если продолжать проводить аналогию между политикой и медициной, между лидером, руководителем и врачом (врач, как и лидер, всегда является авторитетом для больного), то логичным становится рассмотрение еще одного риска при отсутствии этического лидерства, риска ятрогенных расстройств как в политическом, так и в бизнес контекстах. Как известно, этические нормы и правила должны строиться на уважении к личности. Но «за громкими фразами о судьбе народа пропало очень важное, - заключает Г. Померанц, - у нас за многие годы исчез институт уважения к личности» [15, с. 53]. Стать носителем этических принципов означает: «проповедуй то, что исповедуешь и исповедуй то, что проповедуешь». Смогут ли сегодняшние лидеры разномасштабных систем подняться на уровень этических задач современного вопрошания, осознавая риски и проблемы, которые привносит в мир лидерство, лишённое этики?

Библиографический список:

1. Бердяев Н. Парадоксы лжи // Человек. 1999. № 2. С. 102.
2. Геберт Д., Розенштиль Л. Организационная психология. Человек и организация. Харьков, 2006.
3. Знаков В.В. Методика исследования макиавеллизма личности. М.: Смысл, 2001.
4. Знаков В.В. Макиавеллизм и феномен вранья // Вопр. психол. 1999. № 6. С.59-70.
5. Знаков В.В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // Вопр. психол. 2002. № 6. С.45-54.
6. Знаков В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психол. журн. 2000. Т.21, №5. С. 16-22.
7. Лассуэл Г. Психопатология и политика. М.: РАГС, 2005.

8. Макиавелли Н. Государь. Минск: Хорвест, 2004.
9. Минделл А. Процессуально-ориентированная работа с конфликтами: глубинная демократия открытых форумов. М., 2011. С.14.
10. Молчанова Е.С., Умняшкина А.А. Реабилитация политической психиатрии // Историческая психология и социология истории. 2012. № 2. С. 12.
11. Назаретян А.П. Психология в социальном прогнозировании: еще раз о причинных зависимостях // Вопросы философии 2016. № 7.
12. Ольшанский Д.В. Политическая психология лидерства // Психология лидерства. Хрестоматия. Минск. 190 с.
13. Оуэн Д. История болезни: недуги мировых лидеров последнего столетия. М.: Амфора. 2011. С.9.
14. Офман Д. Вдохновение и качество в организациях. М., 1996. С. 13.
15. Померанц Г. Страстная односторонность и бесстрашие духа. М., 1998. С.53.
16. Регнет Э. Организационные конфликты. Харьков, 2014. С.135- 137.
17. Burns T. Micropolitics: Mechanism of Institutional Change // Administrative Science Quarterly. 1961. Vol. 6, № 3. Pp. 257-281.
18. Deutsch M. Konfliktregelung. Muenchen: Reinhardt, 1976.
19. Harrison R. Leidershap en strategische planning in een nieuwe tijd // Adams J. Transformatie. Lemniscaat, 2006.

Tolesh A. The ethical challenges of leadership: risk management activities

Modern philosophical thought, while analyzing the cultural situation of today, describes it as a crisis, and therefore, even whilst society understands the need of modelling the ethical leadership in a situation of ever-growing tendency to change the ruling paradigms, the problem of manipulating individual and public consciousness worsens, increasing the risks in managerial and political activities. In connection with the emerging trends, the situations when Machiavellianism is being studied as a personal construct becomes obvious and indisputable. That, as well as the phenomenon of the hybrid personality has a strong influence on the character construction of the relationship in society, either hindering the birth of ethical leadership, or substituting it. Leaders of modernity should know what leads to power, devoid of ethical leadership, or only proclaiming ethical principles

Keywords: ethical leadership, manipulation, Machiavellianism, hybrid-syndrome, crisis, power, micro-politics, protest

Проба пера

УДК 316.013

О.О. Большаков

Социальные риски в горизонте генной инженерии

Аннотация:

Генная инженерия становится одним из перспективных направлений в процессах «улучшения» генетических или наследственных данных организма. Все более интенсивно ведутся исследования в области генной инженерии, начиная от увеличения производства растительной и животной пищи, диагностики состояния заболевания, улучшения лечения, заканчивая производством вакцин и других полезных лекарств. Однако, учитывая возможные, и часто непредсказуемые последствия применения методов генной инженерии, необходим этический контроль – как внутри профессиональных сред, ведущих исследования, так и в рамках широких общественных дискуссий.

Ключевые слова: генная инженерия; этические и социальные последствия

Об авторе: Большаков Олег Олегович, МГТУ им. Н.Э. Баумана, студент кафедры социологии и культурологии; эл. почта: bagro53@gmail.com

Введение

Генная инженерия человека, как способ конструирования геномов, стала возможной на определенном этапе развития науки и техники. Ее предназначение – способствовать борьбе с болезнями, возникающими в результате генетической мутации [8]. Сегодня генная инженерия используется для борьбы с такими проблемами, как муковисцидоз, диабет и ряд других заболеваний. Еще одно смертельное заболевание, которое в настоящее время лечат генной инженерией, - это болезнь "пузыря" (тяжелый комбинированный иммунодефицит). Это свидетельство того, что генная инженерия может улучшить качество и увеличить продолжительность жизни [3].

Одно из величайших достижений в данной области – перспектива оказания помощи в лечении болезней у нерожденных детей. Генетический скрининг с плодом может

позволить лечить еще не рожденного ребенка. Со временем это может снизить уровень распространения болезней у будущих поколений.

Тем не менее, генная инженерия – как и всякое великое достижение науки имеет амбивалентную значимость и вызывает серьезные опасения у людей в том, что эти технологии могут быть использованы не только во благо, но и во вред. Рассмотрим некоторые аспекты влияния этой области на биосферу вместе с рядом спорных вопросов, которые сопровождают развитие этой технологии [2].

Влияние на окружающую среду

Новые организмы, созданные геной инженерией, могут представлять собой экологическую проблему. Невозможно предсказать изменения, которые генетически модифицированные виды произвели бы в окружающей среде. Их появление может привести к разрушительному дисбалансу в экологии вследствие генетической поломки или непредвиденных результатов. Например, несчастный случай в разработке генетики вируса или бактерии может иметь следствием появление более сильного вируса, который после выпуска способен вызвать серьезную эпидемию. Последствия таких «ошибок» могут стать фатальными для общества [6].

Влияние на человека

Рассмотрим тот факт, что генная инженерия использует вирусный вектор, который несет функциональный ген внутри человеческого тела, и последствия этого до сих пор неизвестны. Нет никаких подсказок относительно того, где размещены функциональные гены. Однако их наличие может привести к ухудшению состоянию здоровья человека. Кроме того, поскольку дефектные гены заменяются функциональными, ожидается, что произойдет сокращение генетического разнообразия и, если у людей будут идентичные геномы, популяция в целом будет подвержена вирусу или любой другой форме заболеваний [4].

Генная инженерия также способна создавать неизвестные побочные эффекты или результаты. Определенные изменения в растении или животном могут вызвать непредсказуемые аллергические реакции у некоторых людей, к токсичности человеческого и других организмов.

Устойчивость к антибиотикам

Генная инженерия часто использует гены для устойчивости к антибиотикам в качестве «селектируемых маркеров». В начале процесса разработки эти маркеры помогают идентифицировать клетки, которые поглощают чужеродные гены. Хотя они в дальнейшем

не используются, но гены продолжают распространяться в тканях растений. Большинство генно-инженерных растительных продуктов содержат активно функционирующие гены, устойчивые к антибиотикам.

Наличие таких генов в пищевых продуктах может иметь летальные последствия. Поэтому их употребление может снизить эффективность антибиотиков, которые принимаются во время еды для борьбы с болезнями. Более того, гены устойчивости могут передаваться патогенам человека или животных, что делает их непроницаемыми для антибиотиков. Если бы такой перенос произошел, он бы усугубил и без того серьезную проблему здоровья организмов, устойчивых к антибиотикорезистентным заболеваниям [5].

Этические и социальные проблемы

«Игра в Бога» стала сильным аргументом против генной инженерии. Одна из основных проблем заключается в том, что как только измененный ген помещается в организм, процесс не может быть остановлен, а организм возвращен в изначальное состояние.

Общественная реакция на использование рДНК в генной инженерии была неоднозначной. Производство лекарств с использованием генетически измененных организмов в целом приветствовалось. Однако критики рДНК опасаются, что болезнетворные организмы, используемые в некоторых экспериментах с рДНК, могут развиваться в чрезвычайно инфекционные формы, которые способны привести к всемирной эпидемии [1].

Поскольку все больше человеческих генов используются в нечеловеческих организмах для создания новых форм жизни, которые являются генетически лишь отчасти человеческими, возникают новые этические вопросы. Например, какой процент человеческих генов должен содержать организм, прежде чем он будет считаться человеком, и сколько человеческих генов должно содержаться, например, в зеленом перце, прежде чем его можно будет съесть без всяких сомнений. Человеческие гены теперь вводятся в томаты и перец, чтобы они росли быстрее [12]. То есть, теперь можно быть вегетарианцем и каннибалом одновременно. Тот же вопрос может быть задан о потреблении свинины с человеческими генами. А как насчет мышей, которые были генетически спроектированы для производства человеческой спермы [7]? Вопрос в том, какой психологический эффект это окажет на потомство?

Критики поставили под сомнение и безопасность генно-инженерного бычьего соматотропина (BST), созданного для увеличения надоев молока молочных коров.

Безопасность, как для коров, которым его вводят, так и для людей, которые пьют полученное молоко. Все потому, что он увеличивает вероятность развития у коровы мастита или инфекции вымени, а также делает коров более подверженными бесплодию и хромоте [5].

Трансгенные растения также вызывают спорные вопросы. Аллергены могут передаваться от одной пищевой культуры к другой посредством генной инженерии. Еще одна проблема заключается в том, что беременные женщины, употребляющие генетически модифицированные продукты, могут подвергать опасности свое потомство, нанося вред нормальному развитию плода и изменяя экспрессию генов [11].

В 2002 году Национальная академия наук США опубликовала доклад, призывающий к законодательному запрету клонирования человека [9]. В докладе сделан вывод, что высокий уровень проблем со здоровьем у клонированных животных позволяет предположить, что такие эксперименты с людьми будут очень опасны для матери и развивающегося эмбриона и, вероятно, потерпят неудачу. Помимо безопасности, возможность клонирования людей также поднимает целый ряд социальных проблем, в частности, проблемы психологического свойства, которые могут возникнуть у клонированного ребенка, являющимся идентичным близнецом своего родителя.

Еще один пугающий сценарий – разрушительное использование генной инженерии. Террористические группы или армии могут разработать более мощное биологическое оружие, устойчивое к лекарствам или даже нацеленное на людей, которые несут определенные гены. Генно-инженерные организмы, используемые для биологического оружия, могут также быстро размножаться, увеличивая уровень опустошения [10].

Заключение

Как генная инженерия, так и традиционное скрещивание были значительно расширены за счет роста базовых знаний о биологии растений и технологических инноваций. Появляющиеся генно-инженерные технологии могут существенно изменить будущее производство сельскохозяйственных культур посредством смены парадигм в плане точности, сложности и разнообразия. Они также готовы расширить диапазон улучшений сельскохозяйственных культур, наделить их новыми чертами и возможностями.

С 1990-х годов произошла революция в технологиях секвенирования ДНК и связанных с ними технологиях обнаружения основных молекул в клетках, особенно ДНК и транскриптов, а также белков, метаболитов и эпигенетических меток. Селекционеры, генетики и другие ученые использовали технологии -omics для лучшего понимания

биологической функции. Широта понимания повысила эффективность традиционной селекции растений и умения ученых «читать» ДНК, что станет предвестником параллельных разработок в способности «записывать» ДНК в организмы, используя различные достижения в редактировании генома. Важно, чтобы базовые знания в области биологии продолжали расти, а технологии продолжали совершенствоваться.

Очевидно, что потенциал геной инженерии огромен. Тем не менее, дальнейшее тестирование и исследования необходимы для просвещения общества, информирования о плюсах и минусах геной инженерии. Нет никаких сомнений в том, что эта технология будет по-прежнему представлять интригующие и трудные этические проблемы для ученых и специалистов 21-го века, а образование и содержательный, уважительный дискурс являются лишь отправной точкой того, что необходимо для решения сложных этических вопросов. С появлением новых достижений в клонировании возможности изменения человеческих характеристик непредсказуемы. Тем важнее междисциплинарные дебаты и общественные дискуссии, обсуждающие появление новых форм жизни в науке и медицине.

Библиографический список:

1. Deuschle K., Fehr M., Hilpert M., Lager I., Lalonde S., et al. Genetically encoded sensors for metabolites // *Cytometry A*. 2005. Vol. 64. Pp. 3-9.
2. D'Halluin K., Ruitter R. Directed genome engineering for genome optimization // *Int J. DevBiol*. 2013. Vol. 57. Pp. 621-627.
3. Fischer A., Hacein-Bey S., Cavazzana-Calvo M. Gene therapy of severe combined immunodeficiencies // *Nat Rev Immunol*. 2002. Vol. 2. Pp. 615-621.
4. Jr F.W. *Viral Genetics*. In: *Medical Microbiology*. 4th Edition edn. University of Texas Medical Branch at Galveston, 1996.
5. Mephram T.B. The role of food ethics in food policy // *The Proceedings of the Nutrition Society*. 2000. Vol. 59. Pp. 609-618.
6. Mercer D.K., Scott K.P., Bruce-Johnson W.A., Glover L.A., Flint H.J. Fate of free DNA and transformation of the oral bacterium *Streptococcus gordonii* DL1 by plasmid DNA in human saliva // *Appl Environ Microbio*. 1999. Vol. 165. Pp. 6-10.
7. Naz R.K. Development of genetically engineered human sperm immunocontraceptives // *J. reprodimmunol*, 2009. Vol. 83. Pp. 145-150.
8. Patra S.A.A. Effects of Genetic Engineering - The Ethical and Social Implications // *Annals of Clinical and Laboratory Research*. 2015.
9. Powledge T.M. Will they throw the bath water out with the baby?: The US Congress is still debating whether to outlaw cloning humans // *EMBO Reports*. 2002. № 3. Pp. 209-211.
10. Sayler G.S., Ripp S. Field applications of genetically engineered microorganisms for bioremediation processes // *Curropin in biotechnol*. 2000. № 11. Pp. 286-289.
11. Smith J.M. *Seeds of Deception: Exposing Industry and Government Lies About the Safety of the Genetically Engineered Foods You're Eating*. 2003.

12. Youm J.W., Jeon J.H., Kim H., Kim Y.H., Ko K., et al. Transgenic tomatoes expressing human beta-amyloid for use as a vaccine against Alzheimer's disease // *Biotechnollett.* 2008. Vol. 30. Pp. 1839-1845.

Bolshakov O.O. **Social risks in the genetic engineering horizon**

Genetic engineering is becoming one of the promising areas in the process of "improving" the genetic or hereditary data of the organism. Research in the field of genetic engineering is increasingly being conducted, ranging from increasing the production of plant and animal food, diagnosing the condition of the disease, improving treatment, to the production of vaccines and other useful drugs. However, given the possible and often unpredictable consequences of genetic engineering, ethical control is needed-both within professional research environments and within broad public debate.

Keywords: genetic engineering; ethical and social consequences

УДК 316.3

Н.Е. Миронова

Социокультурная безопасность персонала: управленческие риски

Аннотация:

В статье отражен один из аспектов социокультурной безопасности, связанный с состоянием персонала в организациях, акцентируется внимание на риске ослабления социального управления при ограничении гуманистических принципов взаимодействия.

Ключевые слова: социальное управление, безопасность, личность, культура, гуманизм.

Об авторе: Миронова Наталия Евгеньевна, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: nataliya.e.mironova@yandex.ru

В современном обществе личность как профессиональная единица подвержена влиянию различных рисков. Среди них – профессиональные риски (повреждение здоровья вследствие несчастных случаев, заболеваний), информационные (разрушение информационных интеллектуальных продуктов, утечка персональных данных) и риски ослабления социального управления.

Технологии социального управления определяют безопасность персонала организации не только в отношении охраны труда, но и в социокультурном аспекте: «Методология и теория системного подхода в раскрытии механизмов деятельности институтов государственной и муниципальной службы» включена в систему управления социумом посредством субъект-объектных отношений [4, с. 18]. Формирование и развитие этической, нравственной стороны системы управления, насыщение ее гуманитарными задачами, должны стать приоритетной целью руководителя предприятия в стратегическом планировании. Сохранение ключевого персонала – зона особого риска для любой организации, поэтому кадровый риск «признается одним из основных рисков управления организацией» [3, с. 1].

Социокультурная безопасность личности в рамках профессиональной деятельности прямо связана с уровнем компетентности. Выявление этого уровня, а также мотиваций

личности, готовности к занятию определенными видами профессиональной деятельности приобретают все большее значение в современном менеджменте, вытесняя сугубо функциональный подход. Жесткие рамки классической и административной школ научного менеджмента (Ф.У. Тейлор, А. Файоль, Дж. Муни) характеризовали рабочего в качестве объекта, элемента производства, выполняющего конкретные технологические функции. Практика управленческой деятельности современной организации уже не может не основываться на изучении человека как сложной, многогранной системы, рассматривая в едином комплексе биопсихосоциальные аспекты. Переосмысливание топ-менеджментом человека как личности, наделенной духовностью, мировоззрением, этикой, нравственностью, приводит к герменевтическому, рефлексивному и психоаналитическому подходу в управлении, основанному на индивидуальных мотивационных установках. Подобные практики представляют собой не столько стимулы для достижения экономической эффективности производства, сколько инструменты социального управления, в центре которого находится поведение человека. Гуманитарная составляющая управленческой деятельности заключена в формировании субъектности работника, наделении его нравственностью и индивидуальностью, которые представляют собой «мотивационные триггеры, доступные для сотрудников организации» [6, р. 3]. Профессиональная диагностика в таком случае позволяет выявить не только глубинные психофизиологические свойства, но и определить уникальную структуру личности, способности к процессу обучения. С помощью необходимых методов сбора (например, при нейропсихологическом исследовании человека) составляется интегральная оценка личности, с учетом его интересов, способностей, навыков. Многомерность понятия «человеческий фактор» позволяет отнести его к «качественному состоянию рабочей силы», открывает возможность модернизации в интеллектуальном и нравственном аспектах [2, с. 30]. Таким образом, социокультурная безопасность персонала организации обуславливается сохранением уникального творческого потенциала каждого работника.

Техноморфный деятельностный подход, знакомый многим управленческим консультантам, ставит человека наряду с расходным материалом, производственными машинами и станками ЧПУ (числовое программное управление). При таком подходе социальная деятельность в ряду технологической, экономической и любой другой деятельности, а человек становится атрибутом, звеном, знаком, инструментом. Топ-менеджмент предприятия полагает, что человеческий фактор не является определяющим, доминирующим, а значит может замещаться другими факторами деятельности.

Соответственно, отдельный работник «воспринимается как атомарный индивид», которого можно заменить другими индивидами [5, с. 100]. Отсутствие следования основным ценностным ориентациям гуманизма ограничивает творческий потенциал работников и их деловую, профессиональную коммуникацию. Риски кадровой безопасности в таком случае связаны с несовершенством системы управления и отсутствием целостной кадровой политики (с практическим применением HR-технологий).

Между тем, модернизация управления представляет собой комплексную задачу не только политико-экономической направленности. Совершенствование гуманистических начал менеджмента, ориентация на личность – главная цель современного руководителя в выработке стратегических направлений развития компании: политика и практика должны не только способствовать целям предприятия, но и соответствовать антропологическому началу человека [7, р. 280].

Динамика жизни общества, специфика развития объектов управленческой деятельности формирует новые требования к системе менеджмента. Субъективные качества личности служат критериями для оценки эффективности системы управления, которая должна включать в себя начала нравственности и морали как регуляторов общественной жизни. Взаимозависимость нравственности и социума состоит в том, что при отходе от моральных принципов происходит и «падение» общества. Отсутствие идей, формирующих мировоззрение человека, фундаментальных ценностных оснований негативно влияет не только на макроуровень состояния нации, но и на уровень корпоративной культуры любой организации. Культура, участвуя в перманентной социализации личности и воспроизводит, и «сохраняет, развивает и передает нетленные нравственные и эстетические ценности (добро, красоту, истину, справедливость, гуманность), а также политические, экономические ценности» [4, с. 139]. Культура закрепляет и налаживает коммуникационные связи между структурными единицами, развивает социальную активность членов коллектива и общества в целом. Гуманизм, как первостепенное свойство культуры, накапливает и концентрирует опыт человечества для формирования творческих условий деятельности человека. Особенность культуры состоит в том, что она совмещает в себе функции не только проводника, но и контролирующего элемента. Соответственно, наличие гуманистической среды, возможность реализации творческого потенциала работников формируют социокультурную безопасность личности [1].

Таким образом, антигуманные установки работодателя по отношению к работнику, непонимание важности систематического обучения и профессиональной переподготовки персонала, рутинизация кадровой политики создают весьма серьезные риски социокультурной безопасности персонала.

Библиографический список:

1. Багдасарьян Н.Г. Социокультурная компонента в структуре безопасности: к методологии проблемы // Материалы междунар. науч. конф. «Социокультурная безопасность: риски, вызовы, ответы», 20 апр. 2018 г. / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Н.Г. Багдасарьян, д-ра филос. наук, проф. В.Г. Федотовой. – Дубна: ГБОУ ВО МО «Университет «Дубна», 2018. С. 3-9.
2. Крохалева А.Б., Белов В.М. Технология формирования показателей профессиональной готовности специалистов на современном рынке труда. М: Горячая линия – Телеком, 2017. 152 с.
3. Кузнецова М.Е. Формализация управления кадровыми рисками // Интернет-журнал Науковедение. 2016. Т. 8., № 3. С. 1-12.
4. Попов В.Д. Законы управления: познание и искусство применения. М: Перо. 2015. 273 с.
5. Тюгашев Е.А. Гуманизм и социальная философия // Идеи и идеалы. 2013. Т. 1, № 4 (18). С. 98-105.
6. Esther D.I. Job Satisfaction and Organizational Productivity in the Nigerian Civil Service // Texila International Journal of Academic Research. 2018. № 5 (2). P. 1-9.
7. Taskin L. Revealing the dominant anthropological consideration of humankind in the teaching of HRM: A critique of individual performance evaluation // Ephemera: theory and politics in organization. 2018. № 18 (2). Pp. 277-301.

Mironova N.E. Sociocultural safety of personnel: management risks

The article reveals the problems of sociocultural security, focuses attention on the risk of weakening social management in case of insufficient psychological research of the individual and restriction of humanistic foundations.

Keywords: social management, safety, personality, culture, humanism